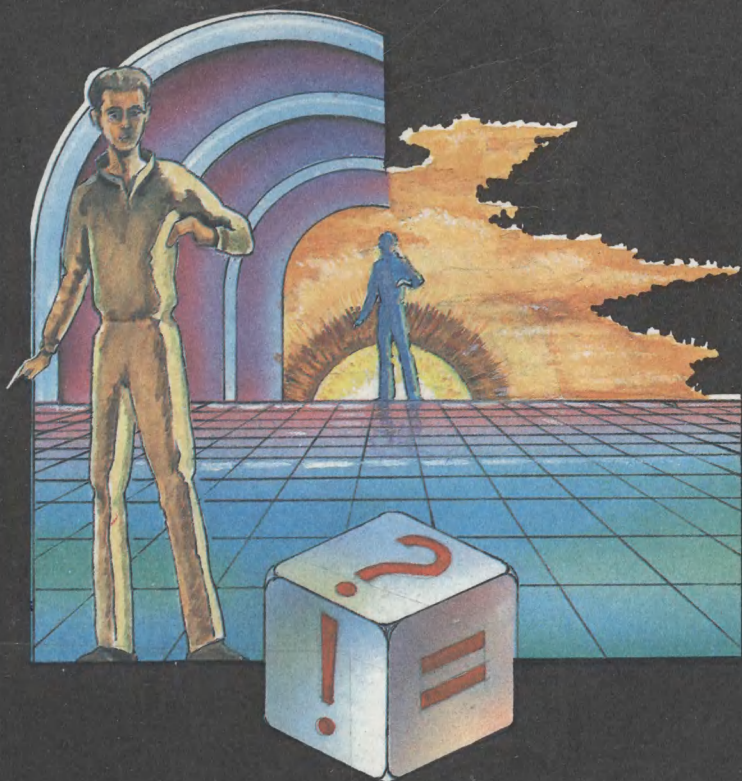
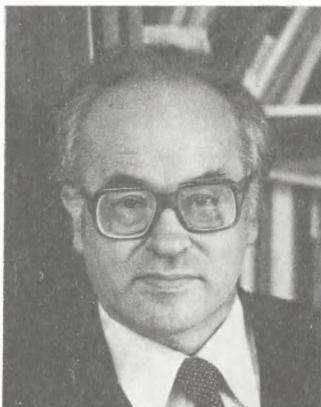

А. В. Петровский

ш*ученые*
дэ
кольнику*

БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ

**АРТУР ВЛАДИМИРОВИЧ
ПЕТРОВСКИЙ** — академик
АПН СССР. Родился в 1924 г.
в г. Севастополе. В 1947 г. за-
кончил Московский педагоги-
ческий институт.

С 1950 г. ведет преподаватель-
скую работу по психологии в
вузах. В 1968—1976 гг. — ака-
демик-секретарь Отделения
психологии и возрастной фи-
зиологии, в 1976—1979 гг. —
вице-президент АПН СССР. С
1973 г. руководит лаборатори-
ей психологии личности НИИ
общей и педагогической психо-
логии АПН СССР. Лауреат пре-
мии им. Н. К. Крупской (1985).
Профессор А. В. Петровский —
автор более 300 научных и на-
учно-популярных работ в обла-
сти социальной психологии,
психологии личности и истории
психологии. Книги А. В. Пет-
ровского издавались за рубе-
жом.

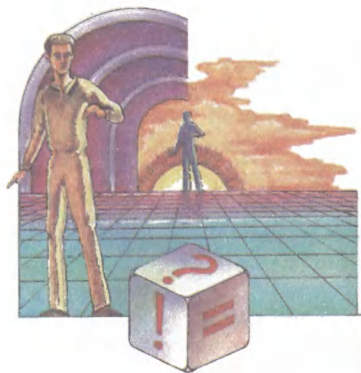
А. В. Петровский

Библиотечка
Детской
Энциклопедии

Редакционная
коллегия:
И. В. Петрянов
(главный редактор),
И. Л. Кнунянц,
А. Н. Сахаров

БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ

Москва
«Педагогика» 1990

ББК 88.5
П30

Р е ц е н з е н т

доктор психологических наук, профессор
М. В. Гамезо

Петровский А. В.

П30 Быть личностью. — М.: Педагогика, 1990. — 112 с.: ил. — (Б-чка Детской энциклопедии «Ученые — школьнику»).

ISBN 5-7155-0156-3

Книга известного советского психолога академика АПН СССР А. В. Петровского посвящена одной из важнейших социальных проблем — становлению личности современного человека. Школьники узнают о разработанной учеными концепции личности, получают ответы на волнующие их вопросы о том, как утвердить свою индивидуальность, стать подлинной личностью в социалистическом обществе.

Для старшеклассников.

П 4306000000(4802000000)-73 **92-90**
005(01)-90

ББК 88.5

ISBN 5-7155-0156-3

© Петровский А. В., 1990

© Художник Хачатрян Л. А., 1990

Трудный вопрос на экзамене.

— Что такое личность? Дайте определение.

— Личность? Совокупность всех общественных отношений...

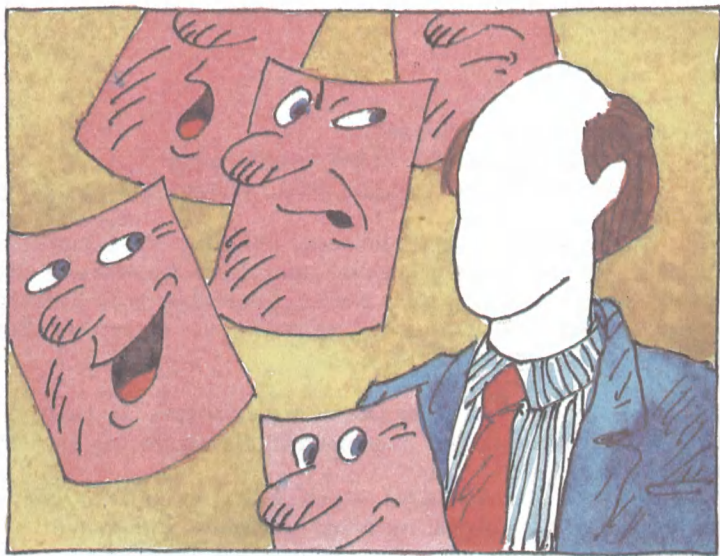
— У Маркса, молодой человек, сказано, что сущность человека составляет не абстракт, присущий отдельному индивиду, а совокупность, или, точнее, ансамбль, всех общественных отношений. Сущность человека — заметьте! Вот вы, например, личность?

— Конечно, личность.

— Так что же, вы прикажете вас почитать за совокупность всех общественных отношений? Не много ли на себя берете, юноша?

— А, вспомнил! Личность — это маска, которую надевали на себя актеры, а отсюда это слово пошло — личность...

Что же, вспомнил он верно. Действительно, таково происхождение термина «личность». Скоморохи в XVII в. надевали на себя маску, личину, «накладную харю», и исторически понятие «личность» восходит к этому корню. Только вот беда: личность, как мы понимаем ее сейчас, — это отнюдь не маска, а как раз то, что скрывается под маской, если уж человек ее надевает. Пожалуй, от этой скоморошьей маски следует повести другую историческую линию, к другому психологическому понятию — роль. Да, действительно, человек исполняет множество ролей и подчиняется множеству «ролевых» предписаний. В поликлинике он больной, в театре — зритель, на службе — начальник или подчиненный, а в семье — отец, сын или дед. Примеряясь к тому, чего от него ожидают, отвечая на «ролевые ожидания», он едва успевает сменять маски, к примеру, от сыновьей почтительности к отцовской строгости. Но личность — это, скорее, носитель роли. Подобно тому как актер остается самим со-

бой, играя злодея или благородного героя. И то сказать, привычное исполнение какой-либо роли накладывает отпечаток и на личность человека. Иной начальник — вспомним Победоносикова у Владимира Маяковского — и за пределами служебного кабинета не забывает, кто он такой, и самоуважение у него, действительно, «титаническое». И все-таки роль не вмещается в личность, является внешним для нее атрибутом... Соответствие социальным ожиданиям — это необходимая, но отнюдь не достаточная характеристика личности. «Роль» — это характеристика поведения человека, его соответствия социально одобряемому образцу. Понятие «личность» предполагает наличие его внутренней позиции по отношению и к той роли, которую она выполняет, соответствуя этим ожиданиям. Личность — понятие бесконечно более богатое, чем функциональная роль.

Прежде всего отметим, кстати, что роли могут приниматься чисто формально. Нередки случаи, когда реальная позиция личности в корне противоречит роли, которую она на себя принимает. Примеры тому бесчисленны. Оставим в стороне классиков: Бальзака, Флобера, Голсуорси, Диккенса и других. Всемирно известная «королева» детективных историй, английская писательница Агата Кристи едва ли не во всех своих романах воспроизводит фактически одну и ту же социально-психологическую конструкцию. Благопристойное, хорошо обеспеченное семейство, где отцы, матери, дядюшки, тетушки, сыновья, дочери, племянницы, племянники, компаньонки, милые друзья дома с британской чопорностью и педантичностью безупречно исполняющие свои роли, ни на шаг не отступая от ролевых предписаний, при ближайшем рассмотрении (с помощью вездесущего сыщика Эркюля Пуаро или его «двойника» в юбке — старой девы мисс Марпл) оказываются потенциальными или реальными преступниками, озабоченными лишь нахождением наиболее хитроумного способа отправить на тот свет своего богатого родственника или родственницу. Так выясняется, что «роль» — это предписанный правилами форменный мундир, надетый на живого, конкретного и в общем-то неповторимого человека, которому он может быть и не впору.

Первоклассником я, как и многие, еще не зная, понимает-ся, что такое роль и что такое индивид или личность, был потрясен, когда впервые увидел мою учительницу в магазине делающей покупки. Мне казалось невероятным, что сама Елизавета Алексеевна, как и все другие покупатели, стоит в очереди, что-то укладывает в «авоську», робко объясняется с продавцом. Она осмысливалась мною лишь в одной-единственной роли — поучающей, объясняющей, карающей десницы. Роли учительницы и покупательницы, совмещенные в одном человеке, казались противоестественным сочетанием. Но, может быть, тогда я впервые не столько осознал, сколько со смутным удовлетворением почувствовал, что учительница — это такой же обыкновен-

ный человек, как папа, мама, я. Это было маленьким, царапающим душу открытием. Но что там первоклассник! Не следует ли иной раз задуматься ученику старшего класса, что учительница, вполне отвечающая ролевым ожиданиям, не вмещается от начала и до конца в свою собственно педагогическую роль: что она еще и мать (не от того ли, что она просидела всю ночь около постели больного сына, у нее сегодня красные глаза?), что она продолжает учиться (после проверки тетрадей она засядет за доклад для семинара), что она дочь и жена, наконец, что она просто женщина, в которой все должно быть прекрасно: и прическа, и одежда, и походка, и осанка. А задумавшись, проявите еще больше уважения и — я не боюсь этого слова — благоговения перед педагогом, который не только благодаря своей роли, но иногда и вопреки ей остается личностью с большой буквы. Впрочем, «Роли и ролевые ожидания» — это вопрос в другом экзаменационном билете.

— Так что же такое личность?

— Индивид! Живой, конкретный человек! Вот вы, например...

— Весьма тронут! Всякий ли индивид всегда и обязательно личность?

Вопрос серьезный. Предоставим экзаменуемому самому выходить из трудного положения и попытаемся разобратся в этой проблеме. Потому что соотношение понятий «личность» и «индивид» и в самом деле не простая, а серьезная научная проблема.

Семь ипостасей человека. Слово «ипостась» греческого происхождения и означает оно: каждое из трех лиц бога, а «единый бог» — учила христианская церковь — «един в трех лицах». Богословие ставило перед студентами духовной академии, семинаристами и гимназистами, изучавшими закон божий, поистине головоломную задачу — усвоить идею духа, т. е. бога в трех его ипостасях. Поскольку никто, увы, не мог, несмотря на бесчисленные теологические трактаты,

объяснить, как это бог может быть и своим отцом, и своим сыном, и одновременно уж вовсе загадочным духом святым, то приходилось все принимать на веру и... зазубривать.

Так обстоит с богом. Ну а с человеком?

Оказывается, у человека ипостасей даже больше, чем у бога. К тому же, в отличие от божественных, все человеческие ипостаси вполне реальны и, как мы увидим дальше, вполне объяснимы, хотя и нельзя сказать, что эти объяснения не нуждаются в работе абстрактного мышления. Каковы же эти семь ипостасей человека? Одну мы уже знаем — роль. Перечислим остальные: человек как индивид; человек как организм; человек как индивидуальность; человек как Я; человек как личность. И даже — нельзя обойти этот факт — человек — это физическое тело, подчиняющееся всем законам механики. (Не станешь же отрицать, что при падении с высоты особой разницы между человеком и каким-либо предметом не сыщешь. Рассчитывая затяжной прыжок с парашютом, спортсмен учитывает свой вес, ускорение падения, высоту полета, по существу так же, как если бы под куполом парашюта находился аналогичный по своим параметрам некий груз.)

И все эти важные характеристики человека раскрывают понятие «человек» с разных, наиболее общих и существенных сторон. Они не тождественны, но образуют нерасторжимое единство. Каждое из этих понятий может быть определено (может получить дефиницию — научное истолкование понятия), могут быть указаны его признаки, отличия от других смежных понятий.

Человек как индивид. Человек на свет уже рождается человеком! Банальная истина? Однако если учесть, что нам предстоит разобраться в очень сложном теоретическом вопросе, то не будем третировать истину ни в каком ее облики, даже когда она кажется общеизвестной.

Итак, человек появляется на свет полноправным (пока пол-

ноправным, он еще не знает, в какое общество он угодит, какому классу будет принадлежать, какое историческое время застанет) членом человеческого общежития — к четверем с половиной миллиардам людей прибавился еще один маленький собрат. И с этого момента он, в отличие от животного, которое именуют «особь», приобретает наименование индивида, т. е. единичного природного существа, представителя вида *Homo sapiens* (человек разумный), продукта длительного развития, носителя индивидуально-своеобразных черт. Индивид полноправен как человек в совершенно определенном смысле: если ему создать благоприятные для того условия, то он станет Человеком, и когда он свершит свой жизненный путь, то сын его, подобно Гамлету, сможет сказать об отце: «Он человек был в полном смысле слова!»

Издавна человеку как царствующей особе присваивали высочайшие титулы: «венец творения», «царь природы», «повелитель мира» и пр. Как хотелось бы принять это титулование всерьез! Но будем осторожны — поэт Леонид Мартынов провел за нас этот опыт и подытожил результат:

И вдруг мне вспомнилось:
Я — царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь,
Что человек есть царь природы...
Надевши ткани и меха,
На улицу я молча вышел.
Прислушиваюсь.
Ночь тиха,
Себе я гимнов не услышал...

Прямая попытка увидеть в прохожем, с которым он встретился в городских сумерках, обладателя высокого титула окончилась у поэта полным фиаско.

Эй ты, природы господин!
Дерзаешь ты, природой править.
А он в ответ: «Прошу оставить
Меня в покое!» И боясь,

Что может быть его ударю,
Что кулаки я, вздрогнув, сжал,
Он недостойно государя,
По-мышьи пискнув, отбежал.

Но даже, если оставить в стороне шуточные сетования Леонида Мартынова, то и впрямь все эти титулы и звания, будучи по росту «человеку вообще», Человеку «с большой буквы», родовой характеристике человека, Homo sapiens, вряд ли могут быть присвоены каждому отдельному индивиду. Ему, для того чтобы быть «повелителем» мира, если не вообще, то хотя бы его мира, мира его специальности, его профессии, его ремесла, его семьи, его дела, надо уметь еще стать им. Индивид по праву рождения имеет возможность быть человеком, именно человеком, а не кем-либо иным. А это значит, что ему предначертано вступить в обладание всеми богатствами, которые создало до него и для него человечество. Таким образом, у индивида на руках «путевка в жизнь», в общественное бытие, «документ», который при рождении кроме него не получает ни одно живое существо. Казалось бы, жить да радоваться. И вот тут-то начинаются недоразумения. Великий делопроизводитель История, оказывается, мелким шрифтом впечатала в этот документ, что податель сего «документа» Индивид Индивидович Индивидов будет человеком в полном смысле слова, правда, при условии, если он не станет объектом жестокой эксплуатации либо рабовладельцев, либо феодалов, либо капиталистов; расовой дискриминации и политического гнета, не обнаружит к тому же мозговых нарушений, препятствующих полноценной ориентировке в окружающем мире, и т. д. и т. п. Другими словами, индивидом-то он всегда останется, представителем человеческого общества будет, но уж никак не обязательно его полномочным представителем.

Сказать о конкретном человеке, что он индивид, — явно недостаточно. По существу, это говорит лишь о том, что он потенциально человек. Дальнейшие же его даже самые общие характеристики предполагают описание и объяснение

качеств, без которых он будет выглядеть как не имеющая собственной массы частица общественной жизни, как бесплотное существо, как статистическая единица в демографическом справочнике, но не как реальный человек, не только похожий на других, но и не такой, как они, наделенный плотью и кровью, действующий, мыслящий, страдающий, включенный в социальные связи как член общества, как соучастник исторического процесса.

Итак, человек как единичное природное существо — это прежде всего индивид. И мы тем самым зафиксировали его принадлежность к роду человеческому. Но мы еще ничего или почти ничего не сказали о его личности.

Что такое личность? Мы договорились, что личность и индивид — это не одно и то же. «Как бы мне не обменяться личностью, — сетует, гиперболизируя эту нетождественность, некий унылый индивид, лирический герой стихотворения дореволюционного поэта-сатирика Саши Черного, — он войдет в меня, а я в него, я охвачен полной безразличностью и боюсь решительно всего». Как понять эту нетождественность личности и индивида? Так, светочувствительность — качество фотопленки, но нельзя сказать, что фотопленка — это светочувствительность или что светочувствительность — это фотопленка. Так что же такое личность? Это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе, причем особое «сверхчувственное» качество.

Не так уж трудно охарактеризовать конкретного индивида. Укажем его возраст, профессию, пол, опишем внешность, выясним образование и квалификацию, отметим, что он старателен, опрятен, медлителен, много часов проводит перед телевизором, неплохо играет в шахматы, не курит, помогает детям делать уроки и т. д. Подобное описание (более или менее подробное и точное) доступно и его начальнику, и сослуживцам, и членам его семьи, и, наконец, ему самому. Но если задачей будет анализ личности индивида, то трудности неизмеримо возрастут и решение окажется по плечу

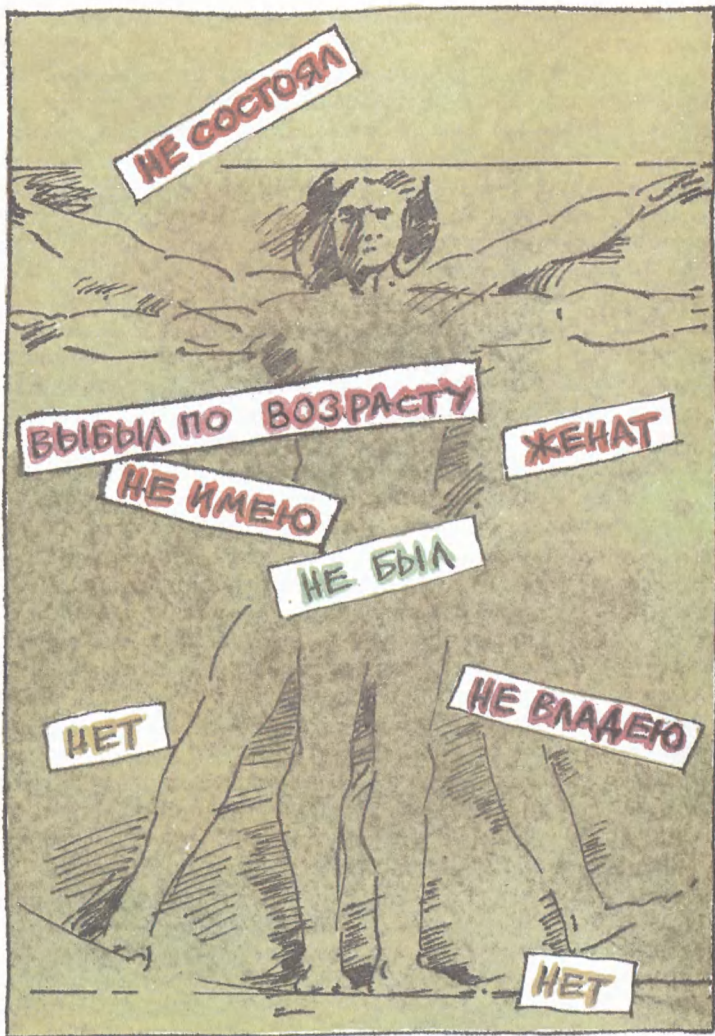
только опытному и проницательному наблюдателю или же психологу.

Причина затруднений объясняется тем, что личность может быть понята и описана только в системе отношений, которые складываются между людьми. Чтобы понять, что представляет собой знакомый девятиклассник, надо не только выявить, смелый он или трусливый, способный или тугодум, щедрый или жадный, но понять, какое место он занимает среди своих сверстников: уважают они его или нет, лидирует он или неизменно остается в тени более ярких товарищей, способны ли они почерпнуть у него что-либо ценное. Надо понять, что он берет или отвергает из их опыта, что представляет собой та группа, в которой он приобрел авторитет, или та группа, которая в силу его чужеродности отвергла его и не приняла в свою среду, и т. д.

Таким образом, личность неотторжима от системы социальных связей, в которую она включена. Следовательно, для ее характеристики необходимо исследовать эту систему.

Становится понятным, что имеется в виду, когда мы говорим о личности как «сверхчувственном» качестве. Индивид обладает доступными чувственному восприятию свойствами: ростом, весом, голосом, почерком, походкой, мимикой, жестами, — вообще, характеризуется своим поведением и внешностью. В то же время у него обнаруживаются такие свойства, которые не могут быть усмотрены в своем чувственном воплощении. Подобно тому как стоимость вещи есть некоторое «сверхчувственное» качество — его в изготовленном предмете ни в какой микроскоп не углядишь, так и личность воплощает в себе систему общественных по своей природе отношений. Выявить их может только научный анализ — на поверхности они не лежат.

Общественные отношения — часть, сторона, аспект личности как социального качества индивида. Если сущность человека, как об этом уже говорилось, в отличие от всех других живых существ, составляет совокупность всех общественных отношений, то сущность каждого конкретного инди-

НЕ СОСТОЯЛ

ВЫБЫЛ ПО ВОЗРАСТУ

ЖЕНАТ

НЕ ИМЕЮ

НЕ БЫЛ

НЕТ

НЕ ВЛАДЕЮ

НЕТ

вида как личности составляет совокупность конкретных социальных отношений, в которые он оказывается включен. Эти связи вне его, т. е. в общественном бытии и потому безличны, объективны (раб находится в полной зависимости от рабовладельца), и вместе с тем они и внутри, в нем как личности (он ненавидит рабовладельца, покорствуется или восстает против него, вообще, определенным образом относится к нему).

Однако сразу же возникает вопрос: если личность есть социальное качество индивида, а индивид, как уже было сказано, это единичное природное существо, представитель рода *Homo sapiens*, то куда исчезает то, что человек получает от природы? Испаряется ли оно вовсе, становится ли частью личности (например, половина биологического, половина социального или в какой-либо иной пропорции)? Это далеко не праздный вопрос — он вызывал и поныне вызывает дискуссии.

Разумеется, телесное устройство человека влияет на состояние и развитие его психики. Но из этого не следует, что четверть или треть его личности должна быть отдана в ведение биологии. Входя в личность человека, биологическое претворяется в социальное, переходит в социальное его качество.

Например, расстройство мозговой деятельности порождает в структуре индивидуальности человека биологически обусловленные психологические черты, но личностными чертами, конкретными особенностями личности они становятся или не становятся в зависимости от того, в каких общественных условиях он живет. Оставался ли этот индивид как личность просто умственно неполноценным, дебилом или имбецилом, или он стал почитаемым «юродивым», «блаженным», т. е. своего рода исторической личностью, к пророчествам которого в давние времена прислушивались люди, зависело от исторической среды, в которой его индивидуально-психологические черты сформировались и проявились.

В сатирическом «Очерке русской истории от Гостомысла, А. К. Толстого мы читаем:

Затем царить стал Федор,
Отцу живой контраст,
Был разумом не бодр,
Трезвонить был горазд.

Царь Федор Иоаннович, судя по историческим источникам, был на грани слабоумия. Возможно, за его малодушием стояла какая-то мозговая патология, но нерешительность, повышенная внушаемость, боязливость и другие от природы данные свойства в личности всесильного (по сану во всяком случае) государя оборачивались его зависимостью от умного и властолюбивого шурина, Бориса Годунова, истерически поспешными и ошибочными действиями, неспособностью предвидеть развитие событий, уходом в религию, т. е. социально обусловленными чертами. Случись ему родиться не в царской семье, а в крестьянской, перед нами, вероятно, была бы совсем другая личность при тех же природных предпосылках. Воплощение в личности прирожденных особенностей индивида обусловлено тем местом, которое выбирает себе она в системе социальных связей, ее активностью.

Мог же Юродивый в пушкинском «Борисе Годунове» обличать «царя-ирода», на что не решались и влиятельные придворные, т. е. осуществлять общественно значимые действия. Не следует относить этот эпизод трагедии исключительно к фантазии великого драматурга. История знает немало подобных примеров. Не случайно в памяти людской сохранилось имя Василия Блаженного, тогда как в ней изгладились имена его родовитых современников, боярской и царской крови. Природные черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы. Для них нет необходимости выделять особые биологические подструктуры. Биологическое существует в личности в превращенной форме как социальное.

Один польский психолог опубликовал исследование фор-

мирования черт личности людей, чей рост не превышал 80—130 сантиметров, тех, кого в народе зовут карликами. Было установлено значительное личностное сходство этих людей, которые, кроме низкого роста, ничем другим, казалось бы, от окружающих не отличались. У них наблюдался некритичный оптимизм, непосредственность, отсутствие какой бы то ни было застенчивости и т. д. Указанные черты личности не могут быть отнесены к категории биологических особенностей уже хотя бы потому, что, являясь результатом природных особенностей карликов, эти черты могут возникнуть и сформироваться только в условиях постоянного и невольного сравнения с ростом других людей. Так как окружающие относятся к карлику иначе, чем к другим людям, сплошь и рядом выражая уверенность, что он и во всем остальном — помимо роста — другой, у карлика возникают специфические черты личности, которые маскируют угнетенное состояние, а иногда и агрессивность по отношению к другим, да и к себе самому. Если на минуту представить, что карлик постоянно живет среди людей того же роста, то станет совершенно очевидно, что у него, как и у всех окружающих, будут формироваться совсем другие черты личности. Повторим: природные свойства существуют в личности человека как социальные. Природное (анатомические, физиологические и другие качества) и социальное образуют единство и не могут быть противопоставлены.

Итак, казалось бы, всё, что характеризует индивида, характеризует и его личность и наоборот. Так и было бы, коль скоро личность могла бы полностью поместиться «под кожей» человека, точнее, быть сведена к его психике, сознанию, сложным познавательным и эмоциональным процессам, которые разыгрываются в его мозге. Конечно, все эти процессы — важнейшие характеристики личности, образующие ее внутренний мир. Это мотивы, ради которых он действует, его взгляды, мнения, интересы, вкусы, убеждения, увлечения, а также его воспоминания и мысли, умения и навыки. Все это так. Но исчерпали ли мы личность, охаракте-

ризовав ее исключительно через описание ее внутреннего мира? Вряд ли. Попробуем выяснить это на конкретном примере.

Вот есть такая важная черта личности — ее авторитетность. Едва ли не каждая официальная характеристика кончается утверждением: «...пользуется авторитетом у своих товарищей по работе (учебе)». Что это значит «пользоваться авторитетом», быть «авторитетным»? Ну, конечно, это прежде всего предполагает наличие каких-то особенностей воли, интеллекта, чувств. Каких же? Если над этим вопросом поразмыслить, то станет ясно, что ответить на него непросто. Например, жестокость, готовность к унижению слабого, своеволие, цинизм могут ли рассматриваться как слагаемые чьей-либо авторитетности? Ответ будет в девяти случаях из десяти — не могут. Позвольте! А авторитеты воровского мира? Они так и именуются в своей среде — «авторитетами».

Звучит лучше, чем «паханы» или «бугры», а сущность та же. Именно эти качества входят в психологическую характеристику их авторитетности в криминальной среде. Точно так же как принципиальность, разумная требовательность, справедливость, доброжелательность, тактичность руководителя — в хорошем коллективе.

Что же получается? И жестокость (у «пахана» в банде), и тактичность (у хорошего руководителя) — качества их психики как индивидов, но компонентами авторитетности как черты личности они становятся только в системе межличностных связей, в которые включен человек. Личности явно тесно «под кожей» индивида, она стремится выйти в более широкое пространство, в область человеческих отношений, и обретает разные качественные особенности, будучи включенной в разные социальные группы. Но коль скоро индивид является субъектом этих отношений, то это в свою очередь раскрывает важнейшую сторону его личности.

Ученые исследовали весьма важное психологическое явление, которое возникает в межличностных отношениях. Оно имеет разные обозначения («коллективистская идентификация», «действенная эмпатия» или еще более громоздкое: «действенная групповая эмоциональная идентификация»). Назовем еще проще, используя слово, которое встречается еще у А. Радищева, — «соучастование». Что же такое «соучастование»? Это активное сострадание людей к находящемуся в трудном положении человеку, причем такое, когда они активно включаются в его дела и решают общие задачи, считаясь как с интересами общего дела, так и с его персональными проблемами.

Для выявления соучастования использовалась специальная аппаратура, позволяющая фиксировать, как ведет себя каждый, решая общие для всех задачи, в одном случае, когда наказание грозит всем членам группы, и в том числе ему (интегральная кара), и в другом, когда наказание угрожает кому-либо одному из числа его товарищей (парциальная кара). При этом был избран такой тип задачи, при ко-

тором торопливость заведомо увеличивала число ошибок, за которые полагалось наказание. В зачет соревнования с другой группой входил только показатель скорости выполнения задания, необходимость же безошибочной работы лишь подразумевалась. Таким образом, с одной стороны, было очень важно повышение скорости, с другой стороны, быстрота работы повышала вероятность ошибок, а следовательно, и возможность наказания (тут уж действовало не правило: «поспешишь — людей насмешишь», а понимание: «поторопишься — пострадаешь»). Для испытуемых всегда оставалась скрытой истинная задача эксперимента. Они-то считали, что выясняется скорость выполнения задачи в условиях соревнования с другими группами.

Гипотеза исследования состояла в том, что в сплоченных коллективах и в случайных, недружных группах поведение, в котором обнаруживаются скрывающиеся за ним межличностные отношения, будет в случаях интегрального и парциального наказания качественно различным. Если в группе отсутствует то, что мы называли соучастованием, то в ситуации, когда за всех расплачивается один, группа должна работать значительно быстрее, чем когда за ошибку наказываются все. При этом партнера по работе наказывают, но недружная группа это в расчет не принимает, так как все остальные оказываются вне опасности. Прикладывать усилия, которые были необходимы для того, чтобы и задачу выполнить, и себя защитить, становятся уже ненужными («Ничего с ним не сделается, потерпит. Зато мы соревнование выиграем!»). Быстрота выполнения задачи действительно возрастает, хотя «партнеру» приходится туго.

Если же время решения задачи в ситуациях, когда наказывают всех и когда — одного за всех, приблизительно равно, то это свидетельствует о соучастовании в группе: хотя опасность грозит лишь одному из всех, все действуют так, как если бы и они подвергались наказанию за ошибку. В этом проявляется переживание состояний другого как своих собственных.

В экспериментах показано, что соучастование существует в дружном коллективе, но его нет в коллективе правонарушителей, отбывающих свой срок в колонии. Интересно, что в коллективе уровень соучастования сохраняется не только в том случае, когда наказание грозит его «ветерану» и даже его лидеру, но и когда оно предназначено новичку, который не оказывается в этом случае в роли «козла отпущения». Отношение к новичку вообще во многом может рассматриваться в качестве показателя гуманных отношений в коллективе.

Однако возникает вопрос: соучастование есть проявление каких-то групповых процессов или это качество личности отдельных людей, входящих в коллектив? Одним словом, это личностное или групповое? На этот вопрос не может быть дан однозначный ответ. Соучастование присуще отдельному человеку, и потому оно личностное, но наиболее благоприятные условия для него создает сплоченный коллектив, и потому оно групповое явление. Быть личностью, настоящим человеком означает с наибольшей полнотой воплощать в себе лучшие черты, которые присущи дружному сплоченному коллективу.

Итак, личность находится не только в пределах, но и за пределами внутреннего мира конкретного человека — в системе взаимоотношений людей. Но есть еще одно «местожительство» личности, и, для того чтобы о нем рассказать, надо еще дальше отойти от представлений о тождественности личности и индивида.

Активно действуя, человек вызывает изменения внутреннего мира других людей. Встреча с умным и интересным человеком меняет многое в людях: их убеждения, взгляды, чувства, желания. Молодой рабочий, попав по более или менее непредвиденным обстоятельствам в тюрьму, — вспомним фильм «Юность Максима» — вышел из нее убежденным противником царизма. Изменения в его сознании — прямой результат знакомства с профессиональным революционером. В таком случае психологу, которого занимает личность рево-

люционера, необходимо знать о тех «вкладах», которые последний произвел своими словами и действиями в сознание этого и других молодых людей. Итак, нам приходится выйти в «пространство» представленности (персонализации)

субъекта в других людях — пространство, образующееся путем суммирования тех вкладов, которые он внес в психику, сознание других людей.

Можно предположить, что если бы мы сумели учесть все существенные изменения (все, скажем сразу, учесть невозможно), которые человек произвел своим делом и словом в других людях, то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности. Индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг людей, получая оценку не только современников, но и истории, имеющей возможность достаточно точно взвесить эти личностные вклады, которые в конечном счете оказываются вкладами в общественную жизнь.

Если прибегнуть к метафоре, то подлинная личность — это своего рода источник мощной радиации, изменяющей связанных с этой личностью людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т. д.). Человека, обделенного достоинствами личности, можно уподобить нейтрину, элементарной частице, которая пронизывает любую, сколько угодно плотную среду, не производя в ней никаких — ни полезных, ни вредных изменений. Иногда мы говорим: безличный субъект. «Безличность» означает, что он безразличен для других людей, от него им «не жарко и не холодно», присутствие его или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не обогащает и не обездоливает их и тем самым лишает его самого личности.

Быть личностью означает осуществлять такие «вклады» в других людей, которые бы приводили к изменениям их жизни и судьбы. Итак, перед нами три «пространства» существования личности: в самом индивиде, в межиндивидуальных отношениях, в других людях.

Три «пространства», в которых обнаруживает себя лич-

ность, не существуют, разумеется, изолированно, а образуют единство. Одна и та же черта личности выступает по-разному в каждом из этих трех «пространств», но это та же самая черта.

Так, авторитетность складывается в системе межличностных отношений и проявляется в одних общностях как жесткий авторитаризм, реализация прав сильного, как «авторитет власти» по преимуществу, а в других, высокоразвитых группах — как демократическая «власть авторитета». Здесь личностное выступает как групповое, групповое — как личностное. Вместе с тем авторитетность — это признание другими за человеком права принимать значимые для них решения в значимых обстоятельствах, результат того «вклада», который он внес своей деятельностью в их жизнь и деятельность, в их внутренний мир. В низкоразвитых группах — это следствие боязни возразить сильному, соглашательство, в группах типа коллектива — это результат свободного волеизъявления. Таким образом, в коллективе авторитетность — это представленность человека прежде всего в других (он может иной раз не знать о степени своей авторитетности) и только в связи с этим в нем самом. Наконец, во «внутреннем пространстве» душевной жизни человека это совокупность его психологических особенностей. В одном случае жестокость, своеволие, заносчивость, грубость, в другом — разумная требовательность, доброжелательность, принципиальность, гуманность.

Человек и его Я. Теперь мы кое-что знаем о личности человека, предположим, личности моего читателя, какой ее могут увидеть со стороны. Однако между тем, как она со стороны выглядит, и тем, в каком качестве она выступает для себя самой, разница весьма велика. Случалось ли кому-нибудь слышать свой голос, записанный на магнитную ленту? Не правда ли, приходится добиваться от окружающих ответа: «Неужели это я? Это мой голос? Да быть не может!» И, получив подтверждение, пожимать плечами. Выяснив, что представля-

ет собой человек объективно, не менее важно понять, а что представляют собой его субъективные представления о себе самом. Это видение самого себя в психологии получает название «образа Я» или «Я-образа».

Откуда берется это наше Я? Во взаимодействии с другими людьми происходит выделение индивида, его внутреннее обособление, противопоставление своего (мыслей, чувств, воспоминаний и т. д.) тому, что принадлежит другим. Это выражается в том, что человек понимает свое тождество с самим собой в настоящем, прошлом и будущем. Я сегодня для него при всех возможных изменениях его положения, его взглядов и чувств, в любых новых и неожиданных ситуациях это Я того же самого человека, какой существовал вчера и каким он будет, вступив в завтрашний день. Один из симптомов психического заболевания — утрата человеком тождественности с самим собой — потеря собственного Я. Еще более тяжелый случай — больной отождествляет себя с кем-то другим и берет на себя ответственность за всё, что сделал другой, совсем не похожий на него человек.

«Я-образ» выступает как позиция человека, установка по отношению к себе самому. «Образ Я» включает в себя три составляющие. Во-первых, **познавательный компонент** — представление о своих способностях, внешности, физической силе, социальной значимости и т. д. Для того, кто вырос в среде, где господствует «культ вещей», и принял ее ценности, на первый план выступает импозантный вид, который придает ему одежда, украшенная яркими фирменными ярлыками. Для другого — незабываемый факт победы на соревнованиях по настольному теннису. Для третьего — драматическое для него поражение на тех же соревнованиях и затруднения при усвоении физики и математики, которые ему действительно нелегко даются, а отсюда представления о своей неудачливости и, вообще, никчемности. Во-вторых, **эмоциональный компонент** — переживание самоуважения, себялюбия, самоунижения и т. д. В-третьих, **оценочно-волевой** — стремление быть понятым, завоевать симпатии,

уважение, повысить свой статус или же желание остаться незамеченным, держаться «в тени» (Я — серенькая мышка. Куда мне с другими тягаться!), уклониться от оценки и критики, скрыть свои недостатки и т. д.

Психология свидетельствует, что у человека не один, а множество сменяющих друг друга «Я-образов», попеременно выступающих на передний план самосознания.

«Я-образ» может оказаться представлением о себе в момент самого переживания, что обычно обозначается как «реальное Я». Когда кто-то в какой-то момент говорит или думает: «Я презираю себя», то это не должно восприниматься как устойчивая характеристика его «Я-образа». Более чем вероятно, что через некоторое время его представление о себе сменится на противоположное. «Я-образ» — это вместе с тем и «идеальное Я» — то, каким он должен был бы, по его мнению, стать, чтобы соответствовать ожиданиям окружающих, это своеобразный ориентир в самовоспитании личности. Вот только всегда остается вопрос: а тот ли идеал как образец для построения своей жизни выбрал человек?

Еще один вариант возникновения «Я-образа» — «фантастическое Я» — то, каким хотелось бы стать, если бы это оказалось возможным. Тут важно знать, не подменил ли человек правильное понимание своего места в жизни и во взаимоотношениях с окружающими фантастическими представлениями о себе. Ну а если желаемое и действительное не совпадут, а так бывает очень часто, не будет ли человек жестоко травмирован?

Перечень образцов Я далеко не исчерпан. Наряду с «Я-реальным», «Я-идеальным», «Я-фантастическим» есть «Я-желаемое» — представление о том, каким человек окажется способным быть в обстоятельствах, благоприятствующих его действиям и поступкам. Добавим сюда еще: «Я-ожидаемое» — это продукт воображения, содержащий образ того, каким человек, по его собственному мнению, выглядит в глазах других, и «Я-представляемое» — то, каким он хотел бы выглядеть, каким он себя изображает.

Иногда «Я-представляемое» и «Я-ожидаемое» в сознании человека неприметно для него самого совмещаются. Он начинает воображать, что все вокруг видит его именно таким, каким он хотел бы в их глазах выглядеть.

Один весьма известный современный художник лукаво эксплуатирует эту, в общем-то понятную человеческую слабость. Ему охотно заказывают портреты многие влиятельные особы, и он пишет их именно такими, какими они хотят выглядеть: государственный человек величественно-скромен, на его челе заметны глубокие думы о судьбах страны, не забыты регалии, и повернут он так к зрителю, что их можно не только пересчитать, но едва ли не потрогать. Пусть при этом потеряна индивидуальность изображаемого — не беда! В конце концов этот живописец занят главным образом тем, что он передает на полотне атрибуты роли, а не черты личности. Заказчик доволен и, расплачиваясь с художником деньгами или очередными наградами и званиями, говорит ему: «Вот таким я себя представляю! Именно таким! Как вы угадали?» Теперь у самодовольной модели будет одна забота — сделать так, чтобы этот парадный портрет попал в выставочный зал. Вот тогда, по его мнению, «Я-представляемое» уже никак не окажется отделенным от «Я-ожидаемого». Увы, сулить ему безусловный успех я бы не взялся. На нашей памяти совсем недавние примеры обратного. Одного государственного деятеля художники изображали и донельзя мудрым, и вечно молодым, и величаво спокойным, и все его четыре звезды ослепительно блестили, и орден Победы не был забыт. Его «Я-представляемое» и «Я-ожидаемое» сплелись для него воедино, а народ смеялся.

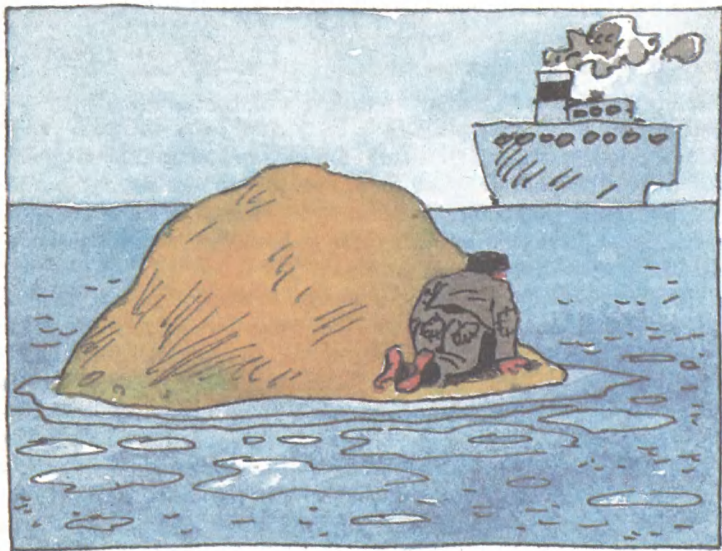
Как-то один поэт, творчески «переосмыслив» слово «семья», увидел в глубинах своей личности «семь Я» и даже признался, что по весне у него появляется «восьмое». Спорить не будем, с нас достаточно семи «ипостасей» личности, перечисленных выше. Но зато мы уверены, что Я в разное время обязательно пробуждается у каждого человека, помогая ему быть личностью во всем ее пестром многообразии.

От потребности к способности быть личностью

Индивид без личности, личность без индивида. Если мы согласились с тем, что индивид не может быть отождествлен с личностью, а личность с индивидом, то невольно напросились на некоторые каверзные вопросы. Может ли существовать индивид, который не стал личностью или, наоборот, перестал ею быть? Может ли быть названа личность, за которой не обнаруживается индивида?

На первый вопрос утвердительно ответить легче, чем на второй. Младенец до того момента, пока он не вступил в общение со взрослыми и, следовательно, не включен в социальные связи, бесспорно индивид, но далеко еще не личность, он только на пути к ее формированию.

Робинзонады... История знает немало людей, силой обстоятельств отторженных от общества, на необитаемом острове к примеру. В этих условиях индивид остается индивидом, но личность его разрушается, она на пути к исчезновению. Лишенный общения с людьми, он исключается из системы социальных связей, уходит из пространства межличностных отношений. Ему не к кому приспособляться, не с кем конфликтовать или дружить, и авторитетом он не будет — некому признать его авторитет. На необитаемом острове он не может быть добрым или злым, великодушным или коварным, так как не к кому проявлять доброту или великодушие. Он может совершать действия, но не поступки, потому что поступок — это действие, которое получает или может получать общественную оценку. А если нет поступков, то деформируется нравственность личности. В этих условиях он лишен возможности обеспечить свою представленность в других людях — их просто нет. Современники рано или поздно предадут его забвению. И никто не может сделать личностный вклад в него. Никто не может перестроить его чувства и помыслы, так как нет обогащающей его коммуникации, нарастает информационный голод. Вот тогда начинается рас-

пад личности — разрушается его внутренний мир, его сознание: психическое расстройство — неизбежное последствие длительной изоляции. Разрушается его «Я-образ», утрачивается индивидуальность, она всегда предполагает сравнение, выделение себя из сообщества и противопоставление по каким-то признакам другим людям. Так, будучи последовательно вычеркнут из всех трех пространств существования личности, индивид деперсонализируется — народонаселение Земли не сокращено на одну единицу, данный индивид сохранился, но личность его утрачена.

Можно предвидеть возражения: не утратил же себя как личность герой «Робинзона Крузо», несмотря на многие годы одиночества на необитаемом острове. Это так, но, однако, еще неизвестно, что бы с ним стало, если бы не встреча с Пятницей. Кроме того, на то он и литературный герой, с которым

Д. Дефо, прославляя индивидуальный труд и предприимчивость, мог сделать в угоду своей идее все, что хотел. Впрочем, альтернативой Робинзону может быть образ Аертона, одного из персонажей жюльверновского «Таинственного острова», утратившего в изоляции от людей человеческий облик и с трудом себе его вернувшего. У разных людей как формирование личности, так и ее разрушение идет разными темпами. Поэтому как скоро разрушится личность, оголив индивида, который станет жить потребностями близкими животным, если останется в длительной изоляции, сказать заранее невозможно.

Но это — необитаемый остров или, например, длительное одиночное заключение — случаи необычайные, особые. А как в повседневной жизни? Конечно, полная утрата личности практически невозможна. Живя в обществе, человек не бывает свободен от общественных отношений, в переплетении которых он развивается, а следовательно, личность так или иначе, но у него складывается и сохраняется. Другое дело — насколько она выражена, какие изменения она производит в других людях. Здесь, разумеется, различия велики. Не могу не сказать, что на этот счет есть разные точки зрения, в том числе и крайние. Один известный советский психолог придерживается весьма решительной позиции: личностью может быть творческий человек, остальные права на это высокое звание не имеют. Помню, как после жаркой дискуссии на одной конференции участники набились в автобус, было очень тесно, и кто-то крикнул: «Которые тут не личности, выходите!» Раздался смех, никто, конечно, не вышел — в автобусе все оказались личностями.

В общем-то они были правы. Даже если и принять подобную крайнюю точку зрения, то и в этом случае придется всех, почти без исключения, признать личностями. Любому человеку в той или иной степени присуще творческое начало. Другое дело — количественные различия. Пусть на одном полюсе окажутся Эйнштейн и Мусоргский, а на другом — Петр Петрович, который придумывает для внучонка забав-

ные сказки, или Николай Николаевич, который изобрел способ пилить дрова двуручной пилой как ножовкой. Да и в нравственном отношении творчество мы оцениваем по-разному. Быть личностью важно для каждого из нас, вот только, какой личностью? Мы говорим: благородная личность, отвратительная, подлая личность. И там и там личность — различия лишь в нравственной оценке. Но именно она имеет решающее значение.

Личность без индивида — возможно ли это, допустимо ли предположить такое? До известной степени допустимо, но это будет квазиличность. Нечто вроде подпоручика Кижее, героя одноименного рассказа Ю. Тынянова. Рассказ стоит прочесть и можно узнать, как никогда не существовавший офицер производился императором Павлом в чины, чуть не был сослан, потом помилован, женился, умер, сопровождаемый плачем безутешной вдовы, похоронен. Кстати, в рассказе фигурирует не только «личность без индивида», но и «индивид без личности» — офицер Синюхаев, который был по ошибке официально признан умершим и потому перестал быть личностью. Был или не был какой-либо реальный прототип у Иисуса среди многочисленных нищих «пророков», две тысячи лет назад бродивших по выжженной палестинской земле, мы не знаем. Однако его личность, сконструированная легендами, зафиксированными Евангелием, оказала огромное влияние на христианскую культуру, социальную жизнь Европы и других стран, формируя личности людей, их чувства, взгляды и убеждения. Индивида могло и не быть — «личность без индивида», бесспорно, обнаруживается. Вспомним «Овод» — роман Э. Войнич. Герой романа Артур как конкретный, реальный индивид не существовал. Но у скольких молодых людей шаг к революционной борьбе был сделан под влиянием «личности» Овода!

Следует ли из этого, что каждый литературный персонаж обладает правами, приближающимися к возможностям полноценной личности? Нет! Бесчисленное число персонажей литературных произведений, пьес, фильмов не способны или

в минимальной степени способны переделать строй чувств и мыслей читателя или зрителя. Эти образы они «принимают к сведению», не более. Но когда это все же случается, то эффект произведенного воздействия практически ничем не отличается от результата общения с сильной человеческой личностью.

...Автор настоящей книги был научным консультантом фильма режиссера Р. Быкова «Чучело». Читатель, вероятно, помнит сюжет фильма: школьницу Лену Бессольцеву жестоко травят одноклассники. Несмотря на всё, девочка выстояла, обнаружив удивительную душевную силу, мужество, благородство, верность дружбе. Главное, что привлекает внимание зрителей, — проблема нравственного выбора и ответственности за него. Вот каким представляется идейное зерно фильма. В нем противостоят Лена Бессольцева — «Чучело», чей нравственный выбор продиктован благородной верой в священные права и обязанности дружбы, и Дима Сомов, который предаёт подругу из страха потерять свой престиж лидера. Фильм помогает человеку осознать необходимость занять активную позицию, мерить свои личностные качества и взаимоотношения с товарищами нравственным эталоном, задаваемым героиней фильма.

Р. Быков получил сотни писем. Он показал мне одно. Вот что было там написано: «Когда я была в шестом классе, я была в числе «сильных, имеющих влияние». И у нас в классе была девочка, похожая на Лену. Я уже не помню, за что мы ее ненавидели. Может, за то, что мы были «сильные», а она «слабая». Мы, «дружные», травили ее, как зайца. Мы называли ее «Доской». Мы ее презирали, плевали в ее сторону, морально уничтожали ее. В девятый класс она уже не пришла. И я уже забыла о ней. И тут — «Чучело». Я видела всё, я плакала, кусала губы и понимала, что мы были ничтожными и злыми в шестом классе. Как поздно я это поняла! Теперь я даже не знаю, где она — «Доска». Но я прошу у нее прощения. Прости нас, наше «Чучело», наша «Доска». Прости нас, Лена! Может, и у вас в классе есть «Чучело». Пойми-

те его, пока не поздно! Светлана». Вот так получается. Лена Бессольцева, личность, даже квазиличность, за которой нет реального индивида, помогает сделать нравственный выбор, перестраивает и эмоциональный и нравственный мир вполне реальных людей.

Почему мы обратились к такой ситуации, как «индивид без личности» или «личность без индивида»? Это мысленный эксперимент, но он не бесполезен для уяснения сложной проблемы единства и нетождественности личности и индивида.

Скрытые пружины наших поступков. Пока это только гипотеза, но, так как нет фактов, которые ее опровергали бы, ее можно принять как основание для некоторых существенно важных рассуждений. Коль скоро, образуя нерасторжимое единство, личность и индивид не тождественны, тогда следует попытаться рассмотреть и осмыслить их взаимоотношения. В связи с этим было выдвинуто предположение, что у человека может быть особая потребность: быть личностью, т. е. производить своей деятельностью значимые изменения в мыслях и чувствах другого человека, определенным образом перестраивать его сознание. В один ряд с жизненно важными потребностями: в пище, в укрытии от холода и жары, в продолжении рода выдвигается, таким образом, еще одна капитальная потребность — быть продолженным, персонализированным в других людях, выступать для них как личность. Отвечающий этой потребности процесс персонализации обеспечивает (в случае, если он успешно протекает) человеку индивидуальную представленность в жизнедеятельности других людей, позволяя ему выступить в общественной жизни полноценной личностью. Следует подчеркнуть: речь идет именно о потребности быть личностью, потому что потребность быть, точнее, оставаться индивидом в основном совпадает с потребностью самосохранения и, вообще, со всей совокупностью жизненных потребностей человека.

Будем рассуждать следующим образом. Личностью чело-

век становится в труде и общении. «Личностью не рождаются, личностью становятся» — в этом совпадает мнение всех советских психологов. Совместный труд невозможен без взаимного обмена соображениями, намерениями, мыслями. Но он предполагает также необходимость знания о том, что представляет собой тот, кто работает рядом. Это знание получают главным образом через совместно осуществляемую деятельность. О человеке, как известно, судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по тому, что он делает. Так не следует ли предположить, что, наряду с потребностью что-то сказать друг другу по поводу общего дела, у людей проявляется также потребность как-то показать себя друг другу, выделить свой вклад в общую удачу, быть наилучшим образом понятым и оцененным окружающими.

В психологии давно идет поиск первоосновы мотивов человеческого поведения, побудителей его, движущих сил. Разумеется, в основе мотивации человеческой деятельности лежат материальные потребности (в пище, жилище и т. д.), но единым хлебом сыт не будешь, и перед нами рассыпается фейерверк мотивов иного рода: быть понятым другими («счастье — это, когда тебя понимают»), быть уважаемым, любимым, занимать определенное положение, быть полезным, компетентным, иметь друзей, иметь влияние на окружающих, получать их одобрение, иногда — доминировать, лидировать, брать на себя решение и т. д. Какая потребность лежит в основе этих разнообразных мотивов?

Многие психологи на этот вопрос — о глубинных исходных причинах поведения человека — отвечали однозначно. Все мотивы, все влечения человека имеют инстинктивную природу. Слепой инстинкт стоит за всеми побуждениями к действию, утверждают они. Но таким образом мы будем вынуждены поставить знак равенства между психикой человека и животных. Может быть выделен и такой мотив: стремление к доминированию. Откуда он берется? О, это очень просто, следует ответ. Это инстинкт, такой же, как у вожака стаи волков. А что вызывает потребность в общении? Ответ дает-

ся еще более простой: это стадный инстинкт. Так неужели только животные инстинкты запрятаны в глубину побуждений, которые мы подмечаем у себя и у других людей? Нет, есть и другие объяснения: в основе побуждений человека к активности, к деятельности лежит стремление к «самоактуализации» личности. Мыслится это в общем так: человек как бы выплескивает из себя всё, что в нем накопилось, что для него актуально, важно, значимо, создавая произведения искусства и выражая себя в них, конструируя технические новинки или активно включаясь в социальную жизнь. В общем-то это справедливо, но это скорее описание, чем объяснение. Мы вправе в связи с этим задать вопрос: а во имя чего осуществляется «самоактуализация», какой смысл она имеет для человека?

Возьмем простой случай. Художник трудится над полотном. Для чего? Что служит мотивом? Возможность выгодно продать картину? Вероятно, и она. Но неужели все сводится к этому? А что же еще? А может быть, позволительно предположить, что творчество порождается его потребностью быть личностью?

Не слишком ли прямолинейно противопоставление: либо материальный грубый расчет, либо стремление поделить своим бытием с другими? Нет ли чего-либо третьего? Может быть, наслаждение от процесса творчества? Но удовлетворение любой достаточно напряженной потребности при всех случаях сопровождается эмоциональной разрядкой, более или менее выраженным чувством наслаждения. Так что ссылка на эмоции нам не добавляет ничего к существующим объяснениям. Другое дело — стремление к самовыражению, самоактуализации.

Случилось мне поставить своего рода «эксперимент». Среди моих знакомых есть молодые способные художники. Вот я их и спросил, как они сами объясняют свою потребность в художественном творчестве. Во всех ответах говорилось о самовыражении, самоактуализации («выразить себя, свое отношение к миру...»; «выплеснуть себя на холст...»; «мой

внутренний мир переполнен непролившимися красками и невоплощенными формами, хочется увидеть это вовне, на бумаге, на полотне...» и т. д.). Почти все они подчеркивали, что их не волнует мнение публики (один из художников даже процитировал: «Поэт, не дорожи любовью народной»). Мотив материального обогащения практически не звучал, хотя и не отрицался, и если был, то, скорее как добродушное «задиранье» психолога, который своими вопросами вторгается в «святая святых» творчества. (Один, усмехнувшись, сказал: «Штаны себе с бляхой куплю! Вот для чего картину пишу!»)

«Эксперимент» я продолжил через некоторое время. Для обсуждения была предложена следующая ситуация: «Отныне вы получаете превосходную отдельную мастерскую (а это для них, как правило, трудная проблема), лучшие краски, холсты, за каждую написанную картину на любую тему, в любом жанре, манере, стиле вам платят по самой высокой ставке, через некоторое время вам присвоят какое-либо высокое звание. Одним словом, самовыражайтесь и получайте за это все жизненные блага. Одно обязательное условие: ни одну вашу картину никогда не увидит ни один человек, все они останутся в ваших руках. Согласны?!» Последовал единодушный отказ.

Не подтверждает ли это мысль, что потребность в самоактуализации, в самовыражении — это мотив, лежащий на поверхности, а глубже находится нечто другое. По-видимому, человек не столько выражает себя в предмете творчества, сколько стремится через предмет искусства перенести себя, свое мироощущение, переживание в других людей, что они — конечная цель его творчества. Именно в этом, в богатстве эстетического восприятия мира, которым он стремится поделиться с другими, — единственное оправдание мук творчества, поиска совершенства, усилий, затраченных на накопление этих бесценных сокровищ.

У человека, по-видимому, существует потребность делиться своим бытием с другими людьми и тем самым проявить

себя как личность. Эта мысль звучит в стихотворении Б. Пастернака «Свадьба»:

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.

Итак, основу побуждений человека как личности следует искать не в биологической его природе и не в загадочном стремлении к «самоактуализации», а в реальных социальных отношениях, в его деятельности, в его общественной жизни. Потребность человека быть личностью может являться той искомой исходной потребностью, которая (наряду с другими, материальными и духовными, потребностями) оказывается заложенной в фундаменте мотивов его поведения и деятельности. Она порождает стремление к достижению успеха, притязания на внимание, славу, дружбу, уважение, лидерование и т. д. Чаще всего мы не осознаем существования этой причины наших поступков.

Персонализация для человека как общественного существа необходима. На ней основывается доверительная, интимная связь между людьми, связь между поколениями, где воспитуемый впитывает в себя не только знания, которые ему передаются, но и личность воспитателя. Вспоминается одна восточная притча. Глубокого старика спросил какой-то не очень вежливый прохожий: «Сколько ты еще будешь жить, старик?» Последовал ответ: «До тех пор, пока будет жив мой самый младший внук». Прохожий пристыдил старого человека как бессердечного эгоиста, не поняв глубокого смысла сказанного. Между тем мудрец, разумеется, имел в виду, что смерть не означает его ухода из жизни близких ему людей: как личность он сохранится в памяти, делах, чувствах сыновей и внуков.

Если личность человека не сводится к представленности в его телесности, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. Вспо-

мним слова А. С. Пушкина: «Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается. Вполне понятны тяжелые переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленностью индивида в их сознании и его материальным исчезновением. В словах «он живет в нас и после смерти» нет никакой мистики.

В социально ценной деятельности осуществляя позитивные «вклады» в других людей, щедро делясь с ними своим бытием, индивид обеспечивает себе внимание, заботу, любовь на случай старости, болезни, потери трудоспособности и т. д. Не следует приписывать ему заведомую корыстность. Продолжая себя в других людях, человек вовсе не обязательно предвкушает выгоды в будущем, а действует, имея в виду

конкретные цели деятельности (хотя не исключена и намеренная, осознанная потребность персонализации). Если рассматривать, к примеру, любовь и заботу деда о внуке объективно, без сентиментальности, то это отношение продолжается в будущем любовью внука к деду, т. е. возвращается ему его собственным бытием, обогащенным бытием молодого поколения.

Здесь можно отчетливо увидеть собственно человеческое начало. Вспоминаю разговор с моим коллегой по поводу романа Веркора «Люди или животные?», где в гротескной форме был поставлен вопрос об отличии человека от животных. При этом Веркор как будто бы не находил этих отличий. «А я укажу вам на одно заведомое отличие, — улыбаясь, сказал мой собеседник — животные не знают дедушек и бабушек!» В самом деле, лишь человек способен продолжить себя не только в следующем поколении, но и через поколения, создавая и обеспечивая свою идеальную представленность во внуках.

Становление потребности быть личностью в истории человечества, очевидно, приобретало различные идеологические формы.

Примечательно, что эксплуатация человека человеком всегда порождала деформацию личности индивида. Запечатлев в произведенном предмете свой труд, его создатель не мог надеяться, что он тем самым продолжает себя в тех, кому этот предмет предназначен, потому что предъявлял себя другим через этот предмет не он сам, а его хозяин. Этот трагический парадокс деперсонализации творца превосходно схвачен Э. Т. А. Гофманом. Здесь имеется в виду новелла «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер», где маленькому уродцу Цахесу силой волшебства феи Розабельверды приписывают все заслуги окружающих, а его собственные недостатки и промахи — кому-нибудь другому. Между прочим, Франциска Кугельман в одном из писем вспоминает, что «Крошка Цахес» Гофмана, сатира... облеченная в сказочную форму, очень забавляла Маркса.

Итак, потребность быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении быть идеально представленным в других людях, жить в них, но это предполагает поиск средств продолжения себя в другом человеке. Подобно тому как индивид стремится продолжить себя в другом человеке физически (продолжить род, произвести потомство), личность индивида стремится продолжить себя, обеспечив свою представленность в других людях.

Когда мы говорим о потребности индивида быть личностью, речь не идет о сознательном стремлении одного человека вторгнуться в бытие другого, навязать ему себя. Конечно, может быть и такое бесцеремонное «предлагание» себя другому. Но это лишь особый случай, который не столь уж типичен для потребности быть личностью. Нельзя также мыслить эту потребность как готовность «транслировать» свою личность любому другому. Человек в этом отношении крайне избирателен. Как правило, одни люди обладают необходимыми качествами, которые усиливают у их партнера потребность в персонализации, а другие ее не только не пробуждают, а скорее умерщвляют.

В стихотворении Б. Пастернака «Шекспир» передается случившийся как-то под вечер в лондонской харчевне фантастический диалог шекспировского сонета, написанного ночью, «с огнем, без помарок», с его автором. Сонет издевательски предлагает, чтобы Шекспир прочитал стихотворение восседающему на бочке собутыльнику «с намыленной мордой», которого бреет в это время цирюльник:

Прочтите вот этому. Сэр, почему ж?
Во имя всех гильдий и биллей! Пять ярдов —
И вы с ним в бильярдной, и там — не пойму,
Чем вам не успех популярность в бильярдной?»
— Ему?! Ты сбесился? — И кличет слугу,
И, нервно играя малаговой веткой,
Считает: полпинты, французский рагу —
И в дверь, запустя в привиденье салфеткой.

Нередко потребность в персонализации у человека достаточно интенсивна, но ему нечем обеспечить свою представ-

ленность в других: нет оригинальных мыслей, остроумия, знаний, нет образного видения мира, — одним словом, нет того, что называется богатством души. Что же тогда ему делать? Зачастую он избирает простой, но скользкий путь: алкогольное опьянение. Иллюзорная персонализация! Пьяница буквально домогается права быть представленным в личности другого, быть уважаемым, авторитетным, понимаемым и принимаемым во всем блеске ума, благородства и смелости, которые он в себе ощущает. Но здесь существуют труднопреодолимые барьеры, и главный из них — нередко отсутствие у партнера готовности принять «вклад». Алкоголик, для которого спиртное — это высшая ценность, нередко даже делится им с собутыльниками, ищет партнера, беспокоится, если в его компании оказывается трезвый, и требует, чтобы тот «не отставал». Алкоголику необходимо снизить барьер, препятствующий «проникновению» в другого человека, а сделать это он может, только напоив другого и уравнив положение на началах взаимной псевдоперсонализации. Суть этой взаимности неплохо передает анекдотический разговор двух пьянчуг: «Ты меня уважаешь? Да, я тебя уважаю. А ты меня? Конечно, уважаю. Значит, мы с тобой уважаемые люди».

Почему псевдоперсонализация? Потому, что никакого реального изменения ценностей другого человека, никакой перестройки его мотивов алкоголик не может осуществить из-за отсутствия соответствующего инструментария — реальных дел. Псевдоперсонализация — потому, что только в момент алкогольного опьянения он способен поверить, что «вклад», сделанный им, соответствует тому, каким он его в эти минуты представляет. Псевдоперсонализация — потому, что интимность общения исчерпывается в краткий период опьянения, а затем может перейти (и нередко переходит) в свою противоположность, в отчуждение по меньшей мере, а то и в неприязнь, отсюда ссоры и драки.

Псевдоперсонализация — это вообще реализация потребности быть личностью, осуществляемая вне деятельности, это

попытка с негодными средствами. Так, во многих исторических местах серьезной проблемой является желание определенной части туристов запечатлеть свое имя на древних стенах. Рассказывают, что администрация одного туристского комплекса нашла выход из трудного положения, сумев удовлетворить эту настоятельную потребность и вместе с тем предохранить стены памятников архитектуры от нежелательных дополнений. Были поставлены деревянные доски и сделано объявление, что всякий, кто хочет запечатлеть свое имя на стенах древнего города, может расписаться на доске и ему гарантируется, что она будет сохраняться навечно в монастырских подвалах. Говорят, что доски заполняются и меняются весьма быстро, а количество стенописи заметно уменьшилось. Чем, как не псевдоперсонализацией, объяснить этот удивительный феномен?

Деятельность — вот основной путь, единственный эффективный способ быть личностью. Своей деятельностью человек продолжает себя в других людях. Произведенный предмет (построенное здание, найденная точная поэтическая строка, посаженное дерево, мастерски выточенная деталь, написанная книга, сочиненная или исполненная сюита и т. д.) — это, с одной стороны, предмет деятельности, а с другой — средство, с помощью которого человек утверждает себя в общественной жизни, потому что этот предмет произведен для других людей.

Таким образом, индивид «переносит» себя в другого отнюдь не в безвоздушной среде «общения душ», а в конкретной деятельности, осуществляемой в конкретных людских общностях. Не трудно уловить разницу в оценках человека, когда говорят: «Это добрый человек» и «Добренький он». В одном случае совершаются поступки, имеющие социальную ценность: человек всегда поможет в беде, выручит, поделится последним; в другом — очевидно стремление попустительствовать, добродушно взирать на недостатки других, не пытаясь их исправить, проявляя готовность к всепрощению. Человек выступает как полноценная личность, если

его деяние в наибольшей степени соответствует содержанию и ценностям деятельности, объединяющей его с другими людьми, и в конечном счете, отвечает общественным интересам.

Потребность «быть личностью» обеспечивает активность включения человека в систему социальных связей. Стремясь включить свое Я в сознание, чувства и волю других, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек удовлетворяет тем самым потребность персонализации. Однако удовлетворение потребности порождает новую потребность более высокого порядка, и процесс продолжается, расширяется за счет включения все новых и новых людей.

Преобразование предмета деятельности изменяет и того, кто его преобразует. Совершив благородный или недостойный поступок, личность самым фактом этого поступка изменяет самое себя. Здесь «вклад» вносится в самого индивида, «как в другого»: помогая другу, попавшему в беду, я становлюсь лучше, добрее. Человек может интерпретировать благородный поступок как не имеющий значения, «пустой», «нормальный», а подлый — как «вынужденный», «безобидный» и даже вообще как деяние, продиктованное более чем благородными побуждениями. И это тоже оставляет след в его личности, характеризует ее. В то же время совершенное деяние многое меняет в жизни и чувствах другого, по отношению к которому он благородно или подло себя повел. Человек вырастает или падает в глазах других людей, и это выступает как характеристика его личности.

Потребность в персонализации может не осознаваться ни испытывающим эту потребность человеком, ни окружающими. Она может быть осознанной и обостренной. Жажда прославиться (а следовательно, запечатлеть себя в людях хотя бы путем псевдоперсонализации) приводит к курьезам, многократно описанным писателями-сатириками. Помещик Бобчинский имел, как мы помним, только одну бесхитростную просьбу к «ревизору»: «Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сена-

торам и министрам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский». Вспомним еще раз «стенопись», хотя бы перечитав Ильфа и Петрова. Остап Бендер, увидев высоко на скале надпись «Коля и Мика, июль 1914 г.», предложил своему компаньону: «Киса,.. давайте и мы увековечимся. Забьем Мике баки... Ей богу, полезу сейчас и напишу: «Киса и Ося здесь были».

Потребность быть личностью предполагает способность быть ею, т. е. индивидуально-психологические особенности человека, которые обеспечивают его персонализацию в других людях. Итак, в единстве с потребностью в персонализации выступает способность быть личностью, собственно человеческая способность.

О способности быть личностью. Если мы приняли, что одной из наиболее важных для человека является потребность быть личностью, т. е. неосознанное стремление продолжить себя, перенести свое бытие в другого человека, поделиться с ним частью своего духовного мира, то закономерен вопрос: а способен ли человек это осуществить? Ответить на него просто, если иметь в виду целенаправленное и намеренное воздействие одного на другого. Эффекты подобного воздействия можно проследить в диапазоне от нотации, которую читает учительница проштрафившемуся первокласснику, до удивительных результатов гипнотического влияния по телевидению А. Кашпировского. Хотя сам он свои сеансы гипнотическими не считает. Но все-таки это вариант гипноза.

Одно попутное замечание. Психотерапевтическое воздействие с телевизионного экрана А. Кашпировского действительно позволяет производить эффективное обезболивание при хирургических операциях. Нет оснований в это не верить. Однако именно эти оперируемые больные, как это хорошо знает психотерапевт, заведомо способны находиться в состоянии глубокого гипноза (а таких очень немного). При этом хорошо налажена «обратная связь» по телевизионно-

му каналу с гипнотизером. Другое дело, когда А. Кашпировский или А. Чумак «работают» без малейшей обратной связи, «воздействуя» на миллионную аудиторию, на великое множество людей, каждый из которых имеет свои «горячие» проблемы, разнообразные болезни, затруднения. В этом случае психотерапевты, что называется, «стреляют в белый свет, как в копеечку». Что же удивительного в том, если судить по письмам — а таких я получаю немало, — что одним эти врачеватели помогают, другим вредят, а многие остаются безразличными. Однако межличностное влияние посредством гипноза — это особая тема, и я не буду возвращаться к тому, о чем писал недавно для старшеклассников. (Я имею в виду брошюру «Что мы знаем и чего не знаем о себе», вышедшую в серии «Познай себя». Гипнозу в ней посвящена глава «Можно ли сегодня получить автограф у Ильи Ефимовича Репина?».)

Нацеленные воздействия только небольшая часть причин тех изменений, которые производит личность, включаясь в процесс общения и совместной деятельности с другими людьми. Экспериментальные исследования выявили, что даже, никак не общаясь, и, казалось бы, вовсе не преследуя цель как-то повлиять, не взаимодействуя с кем-либо, личность транслирует свои особенности человеку, для которого она так или иначе значима. В этом случае происходит то, что мы уже знаем как персонализацию. Складывается впечатление, что эта личность излучает что-то вроде силового поля, преобразующего эмоциональные, волевые и интеллектуальные процессы у человека, с которым она вступила в соприкосновение, притом так, что это даже контактом назвать трудно. В этом можно будет убедиться, познакомившись с результатами экспериментальных работ, осуществленных в лаборатории психологии личности НИИ общей и педагогической психологии, которой я руковожу вот уже 18 лет.

Эксперимент требует к себе серьезного отношения, и поэтому описать его придется возможно полно и протокольно точно.

Вероятно, каждому известен факт существования зрительных иллюзий, ошибочного восприятия объектов.

Среди множества иллюзий для эксперимента была выбрана так называемая фигура Каниши (по имени первого, кто ею занимался). Это четыре черных кружка с удаленными секторами. При сближении на небольшое расстояние они создают иллюзию белого квадрата на белом фоне. Эти четыре черных кружка были воспроизведены на одиннадцати слайдах. Причем от первого до последнего слайда расстояние между кружками равномерно сокращалось. Слайды предъявляли на экране с помощью диапроектора, кадр за кадром. Испытуемыми были дети в возрасте от 3 до 7 лет. Задача для них состояла в том, чтобы уловить момент сближения кружков, когда впервые появится иллюзия квадрата.

Дети есть дети. Нужно же было сделать так, чтобы они понимали инструкцию экспериментатора. Поэтому им объяснили, что эти кружочки на самом деле рыбки (для правдоподобия им приделывали «хвостик»), плавающие в пруду. И вот при последовательном предъявлении слайдов рыбешки подплывают друг к другу и «хватают белый платочек» (аналог белого квадрата). Ребенку говорили: «Внимательно смотри за рыбками. Когда увидишь, что они схватили носовой платочек за четыре конца, скажи: «Нашли!». Для чего же проводился этот эксперимент? Вовсе не для того, чтобы выяснить, на каком кадре у детей возникает иллюзия. Суть его была в том, чтобы выяснить, как влияет «идеальное» (в данном случае — не фактическое) присутствие значимого для них человека на ускорение возникновения иллюзорного образа. Дело в том, что в психологии до сих пор не фиксировался факт влияния на возникновение иллюзии присутствия (реального, а тем более идеального) другого лица. Понятно, что если гипотеза о подобном влиянии получит подтверждение, то это будет свидетельствовать о персонализации.

Но как добиться этого «идеального присутствия»? Исследователь нашел такой экспериментальный ход, который ре-

шил проблему. Детям предложено было нарисовать портрет их любимой воспитательницы перед тем, как они начнут выслеживать «рыбок». Но для того чтобы они не испугались результатов своего «художества», рисовать им предложили... с завязанными глазами. В ходе рисования образ воспитательницы всплывал в их сознании с полной отчетливостью, и, очевидно, они могли предположить, что он ими хорошо воспроизведен на бумаге. Что же получилось, когда детям предложили после сеанса рисования вновь наблюдать за «ловлей платочка рыбками»? Как оказалось, рыбки «схватывают» платочек быстрее, чем прежде, — иллюзия возникала у детей на 1—4 кадра раньше. Значимый человек ускорил появление иллюзии (безразличные для детей взрослые подобного эффекта в экспериментах не вызывали). Таким образом, можно было сделать вывод, что идеальная представленность личности воспитательницы во внутреннем мире ребенка определенным образом трансформировала его познавательные процессы. Мы получили первое подтверждение способности конкретного человека, в данном случае воспитательницы, «быть личностью», преобразующей психику другого индивида даже в том случае, когда о каком-либо целенаправленном воздействии не могло быть и речи.

Восприятие — сравнительно простой психический процесс. А что происходит с более сложными образованиями психики человека в обстоятельствах персонализации? Как выяснилось опытным путем, то же самое.

Важной характеристикой личности человека является система оценок, которые он дает окружающим, его внутренняя позиция по отношению к ним. Как же личность значимого человека влияет на эту систему отношений к другим людям? Так ли уж независим человек от этого влияния? Опишем еще один эксперимент.

Школьникам (шестиклассникам) психолог предлагает дать оценку умственных, волевых, нравственных и других качеств незнакомого сверстника, чью фотографию советует посмотреть. Так как сфотографирован неизвестный, чер-

ты лица которого недостаточно информативны для выводов, то оценки, даваемые испытуемыми, весьма неопределенны. Его не считают умным, но и не утверждают, что он глуп, не считают злым, но и добрым не называют и т. д. Во второй серии опыта предъявляют аналогичное фото другого школьника. Но включается фонограмма, на которой записан голос педагога. При этом содержание того, что он говорит, фактически не улавливается испытуемым, тем более что оно не имеет никакого отношения к задаче оценки портрета. Между тем голос одного педагога приводит к тому, что незнакомец оценивается как глупый, злой, хитрый и т. п., голос другого — как умный, добрый, простодушный и т. п., наконец, голос третьего оставляет оценки столь же аморфными, какими они были в первой экспериментальной серии. Очевидно, что первый и второй педагоги в большей степени личностно представлены, персонализированы в своих учениках.

Мы тем самым получили еще одно свидетельство персонализации — одни педагоги делают своих подопечных более доброжелательными, формируют у них оптимистическую гипотезу по отношению к окружающим, другие почему-то (а вот почему, также необходимо выяснить психологу) вызывают какую-то неприязнь к незнакомому человеку, стремление выискивать у него какие-то отрицательные черты. Приведем еще один случай экспериментирования с голосом учителя. Испытуемым предъявлялся специально отснятый кинокамерой эпизод. Звучит голос педагога, весьма невнятно произносящего слова, никакой связи с сюжетом фильма не имеющие. Опять тот же эффект. Голос одного педагога усиливает мнение о том, что взаимоотношения героев картины вполне доброжелательные, а другого — порождает их негативную интерпретацию. Персонализация, выражающаяся в транслировании другим своего отношения к людям, — иначе это объяснить трудно.

Персонализация проявляется не только в усилении или ослаблении положительного или негативного эмоциональ-

ного отношения к другому человеку. Есть множество других случаев, демонстрирующих эту способность производить личностные изменения в других людях.

...Перед ребенком на столе множество игрушек. Ему говорят: «Ты можешь поиграть любой. Вот только эту коробочку открывать нельзя». Экспериментатор уходит, оставляя малыша наедине с соблазнительными предметами. Стоит ли уточнять, что за ребенком производится незаметное для него наблюдение. Как же ведут себя дети? Примерно чет-

верть от общего числа испытуемых преодолеть искушение не в силах. Осторожно оглядевшись, они открывают загадочную коробочку. Это можно было бы назвать эффектом Синей Бороды. Помните замечательную сказку Шарля Перро о не в меру любопытной последней жене ужасного злодея Синей Бороды? Здесь происходит нечто подобное, правда не со столь фатальными последствиями.

Но вот через какое-то время перед детьми опять тот же стол с игрушками, то же разрешение играть с любой, только на этот раз запрещается смотреть, что лежит под красным колпачком. Отличие от предыдущего опыта не только в этом. Перед ребятами на столе на этот раз довольно большая фотография их педагога. Здесь-то и происходят удивительные события. В зависимости от того, чей фотопортрет перед малышами, «эффект Синей Бороды» возникает или вовсе не обнаруживается. В «присутствии» одного педагога (а это, «идеальное», а не реальное присутствие) никто не решается заглянуть под красный колпачок; при другом находится примерно столько же, как и прежде, нарушителей категорического запрета. Экспериментаторами были зафиксированы случаи, когда фотография воспитателя даже усиливала «эффект Синей Бороды» — едва ли не все малыши торопились заглянуть под красный колпачок. Опять-таки факт персонализации в двух случаях (в первом и третьем) подтверждается. Заметим, кстати, что если до сих пор речь шла о результатах личностного влияния на эмоциональную сферу человека, то здесь уже оно сказывается на волевой регуляции поведения.

Пока говорилось о персонализации взрослого и о его влиянии на внутренний мир и поведение ребенка. Может возникнуть предположение, что это чисто возрастная особенность. Отнюдь нет. Во-первых, эксперименты с использованием «фигуры Каниши» были проведены на взрослых — студентах. И результат был тот же — идеальное присутствие другого ускоряло появление зрительной иллюзии. Во-вторых, много других, подобных в чем-то опытов проводили и со

старшеклассниками, и людьми более старшего возраста. Расскажем о некоторых из этих экспериментов.

Первый проводился с учениками восьмого класса. Им было предложено быстро подбирать слова, которые бы ассоциировались с предлагаемыми экспериментатором. Например: «книга» — ответ «роман», «кастрюля» — «суп» и т. п. Как выяснилось «идеальное присутствие» одних педагогов способствовало проявлению стандартных форм мышления испытуемых — ассоциации не отличались оригинальностью, других — пробуждало творческое начало, происходил отход от банальных ассоциативных ходов.

Совершенно очевидно, что персонализация перестраивает психические процессы (в данном случае интеллектуальные). Пусть уровень творческого отношения к ассоциативной его переработке был не очень высок. Я не стал бы его сравнивать, к примеру, с уникальными способностями шестилетнего мальчика Саши Селезнева, о котором мне приходилось писать несколько лет назад. Сашу спрашивали: «Что такое смекалка?» Следовал ответ: «Ум солдата». «Дыра?» — «Яма воздуха», «Дубленка» — «Шкура наизнанку», «Акробат» — «Пропеллер с руками и ногами», «Философ» — «Расширитель проблем» и т. д. Однако нас интересуют не удивительные способности какого-нибудь юного «расширителя проблем», а активизация творческого отношения к предмету как результат личностного, индивидуально-специфического влияния. Примечательно, что педагоги, способствующие усилению нестандартных способов построения ассоциативного ряда, как это выяснилось в ходе углубленного психологического исследования, сами обладали творческим складом ума и богатым воображением. Очевидно, эти качества они сумели в свое время транслировать своим ученикам, что и вызвало зафиксированные в эксперименте эффекты.

Психологами в диагностических целях используются так называемые проективные тесты. Это, к примеру, рисунки неопределенного содержания, которые дают интерпретировать испытуемому, предполагая, что он обязательно внесет

в их трактовку нечто из своих переживаемых трудностей, проблем, особенностей характера. Другими словами, свою личность спроецирует на объект интерпретации.

На рисунке два действующих лица. Первый явно только что проснулся и, подняв голову с подушки, схватил телефонную трубку, пытаясь спросонья понять, кто и зачем его будит в середине ночи. Второй — стоит в будке телефона-автомата и говорит: «Простите, что я вас разбудил в три часа ночи. Я звонил своему знакомому и перепутал номер». Испытуемому предлагается догадаться, что ответит на эту реплику человек, таким образом разбуженный среди ночи. Ответ, как установлено, дается в зависимости от характера испытуемого: вежливый, грубый, злой, возмущенный, агрессивный, миролюбивый. Вариантов таких сюжетов много.

Для того чтобы выяснить, персонализирован ли во внутреннем мире испытуемого субъект, интересующий психолога, испытуемому через некоторое время предлагают те же рисунки. Но одно отличие: в пунктирный контур на рисунке испытуемому предлагают «вписать» воображаемый образ человека, личностные особенности которого являются предметом специального внимания психолога. Вот тут и происходят удивительные метаморфозы. В зависимости от того, кто был «помещен» в пунктирный контур, агрессивность иногда сменяется миролюбивыми реакциями. В «присутствии» же других вежливые ответы исчезают и персонажу рисунка приписывается откровенная грубость. Опять-таки у нас есть все основания утверждать, что лицо, которое было помещено воображением испытуемых в контур, не только получило идеальную представленность в психике всех испытуемых, но и ориентирует их на определенный тип поведения.

Итак, многочисленные экспериментальные исследования подтверждают возможность объективно изучать способность индивида быть личностью, производящей значимые изменения во внутреннем мире и поведении окружающих людей.

Мы уже говорили о том, что теория персонализации пред-

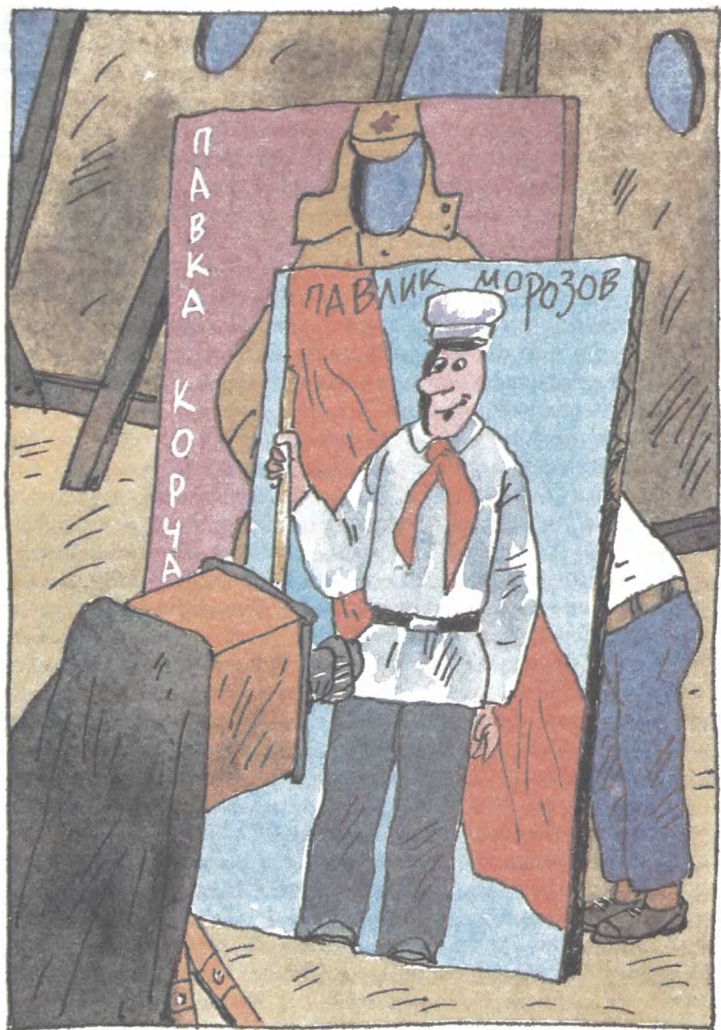
лагают новые подходы к всегда волновавшей человечество проблеме личного бессмертия. В самом деле, идеальная представленность личности в другом человеке может быть не менее, а более весомым фактором, определяющим самосознание, чем реальное его присутствие «здесь и теперь». Л. Н. Толстому принадлежит трактат «О жизни», который запретила царская цензура. Вот что он в нем писал: «Мой брат умер, кокон его, правда, остался пустой, я не вижу его в той форме, в которой я до этого видел его, но исчезновение его из моих глаз не уничтожило моего отношения к нему. У меня осталось, как мы говорим, воспоминание о нем... Осталось воспоминание, — не воспоминание его рук, лица, глаз, а воспоминание его духовного образа. ...Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании, точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, чего оно требовало от меня при его жизни. Мало того, воспоминание это становится для меня более обязательным после его смерти, чем оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, воздействует на меня... На каком же основании, чувствуя на себе эту силу жизни точно такую же, какою она была при плотском существовании моего брата, то есть как его отношение к миру, уяснявшее мне мое отношение к миру, я могу утверждать, что мой умерший брат не имеет более жизни?.. Я смотрел в отражающую поверхность на то, как держал меня человек; отражающая поверхность потускнела. Я не вижу больше, как он меня держит, но чувствую всем существом, что он все так же держит меня и, следовательно, существует».

Продолженность человека в человеке, его «отраженная субъектность» — такой же объективно регистрируемый факт, как и его реальное присутствие. Однако остается, возможно, вопрос: как возникает эта «отраженная субъектность»? Что это такое? Результат прямого подражания, следование конкретному примеру или что-то другое? И вообще, что нужно делать, чтобы не только казаться себе, но и быть личностью?

По ступеням развития личности

Брать с него пример... Но как? Автор — никуда от этого не деться, — до того как стал академиком, был некогда школьником, а следовательно, объектом воспитания. И раньше любых других средств воспитания познакомился с одним, считавшимся универсальным, — «воспитанием на примере...». Меня учили «брать пример» с Ф. Э. Дзержинского, Павлика Морозова, Клим Ворошилова. Мне ставили в пример шахтера Алексея Стаханова, пограничника Никиту Карацупу с его замечательной собакой Ингусом, наркома Николая Ежова с его «ежовыми рукавицами», в которых корчились «враги народа», троцкисты и бухаринцы. Следующие поколения школьников «брали пример» с Зои Космодемьянской, Олега Кошевого, Ульяны Громовой и других молодогвардейцев. По-моему, и сейчас «берут пример» и «воспитываются на примере». Причем пример предлагали брать с людей вполне достойных, иногда даже великих, если, конечно, не иметь в виду палача Ежова, Ворошилова, запачкавшего себя участием в репрессиях 30—40-х гг., и несчастную жертву пропаганды всеобщего доносительства Павлика Морозова.

Но каким образом мои ровесники, комсомольцы 30-х гг., могли выполнить пожелание В. В. Маяковского «делать жизнь... с товарища Дзержинского»? Участвовать в революции? Но она уже свершилась. Пойти работать в органы НКВД? Но чекисты Дзержинского и «чекисты» Ежова и Берии оказались на разных полюсах права и нравственности. Шли в

«органы» некоторые мои товарищи. Не могу не сказать об одном из них — моем соученике Игоре Н. Человек он был по своим исходным данным неплохой, хотя и ленивый, но добрый. Вообще-то есть основания считать, что он меня спас от допросов, ареста и последующих бедствий. Как я узнал впоследствии, он увидел на столе у коллеги, такого же следователя МГБ, мои фотографии, изъятые при обыске у моей подруги детства и нашей с ним соученицы, и попросил меня не трогать. Верю, спас! Наша соученица ни за что ни про что получила 20 лет лагерей, гроза прошла мимо меня. Но что сотворила жизнь с человеком, который начал с того, что делал ее «с Дзержинского», а кончил фабрикацией заведомо фальсифицированных следственных дел на ни в чем не повинных людей! После 1953 г. он был изгнан из «органов». Так можно ли вот так просто «следовать примеру» в совершенно иных исторических обстоятельствах, в иной по своему характеру деятельности, не имея возможности хоть в малой степени воспроизвести проблемы и душевные качества того, кто служит примером?

Для того чтобы взять пример с Зои Космодемьянской или Олега Кошевого, надо по меньшей мере воссоздать фронтовую обстановку, смертельную угрозу жизни, выбор между изменой Родине и неминуемой гибелью. Между тем «брать с них пример» предлагали человеку, у которого в повседневной жизни были совсем другие проблемы. Исправление двух двоек по математике, мужество, проявленное в драке с одноклассником, отказ от мороженого во имя накопления денег на фотоаппарат и даже добровольное принятие каких-либо шефских обязанностей — конечно, подвиги, но иного рода, и они никак не могут быть продиктованы следованием примеру Зои и Олега. Вот и получается — «пример» отдельно, а жизнь отдельно.

Привычка, едва ль не традиция, отыскивать всюду примеры для подражания привела однажды к откровенно анекдотическому результату. Один мой знакомый, научный работник в области педагогики, опубликовал в периферийной газете статью «Жизнь, достойная подражания». Статья по-

священа была... слепоглухой Ольге Скороходовой. Трудно понять, каким образом широкий читатель мог следовать примеру Скороходовой, не считая для себя возможным ради этого предварительно лишиться зрения и слуха. Жизнь Ольги Ивановны Скороходовой, которая писала стихи, стала доктором наук, с раннего детства ничего не слыша и не видя, конечно, подвиг, но конкретным примером она может быть только для слепоглухих. Здесь не требуется пояснений.

Пример учит — это бесспорно так. Но только конкретный пример в конкретных обстоятельствах. Если молодому солдату-пограничнику рассказывают о подвигах Карацупы, это обучение примером, потому что новобранцу предстоит действовать в чем-то сходных ситуациях, используя приемы, которые себя уже оправдали, беря уроки мужества и находчивости при задержании нарушителя границы. Биография выдающегося человека, его дела и мысли существенны для формирования личности, но не сами по себе, а как материал для ответа на вопросы, которые мы сами себе ставим: каким надо быть, чтобы уважать себя, как надо поступать в трудных обстоятельствах, как преодолевать трудности, вообще, как проявить себя подлинно личностью? Вот, когда эти вопросы возникают, тогда и к месту оказывается воспитание «на примерах». Притом не лобовое — рассказали, как Володя Ульянов повел себя, когда узнал о казни брата Александра, и этот рассказ уже трактуют как воспитание «на материалах жизни В. И. Ленина». Нет, фактором развития личности подобные истории — при всей их необходимости — становятся только тогда, когда они воспринимаются в качестве ответа на мучающий человека вопрос: как самому поступить, как жить, как решать свои собственные проблемы? Конкретный пример может иметь, а может не иметь своего продолжения в душе человека, который с ним познакомился, и не производить того эффекта, который известный советский психолог Л. С. Выготский назвал эффектом последствий.

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Л. С. Выготский

приводил ряд примеров из художественной литературы. Так, он вспомнил рассказ А. П. Чехова «Дома», где повествуется о неудачной попытке отца путем сухих нравоучений объяснить семилетнему мальчику предосудительность курения. И только рассказав наивную сказочку о старом короле и его маленьком сыне, который от курения заболел и умер, он достигает эффекта, для него самого неожиданного, — сын упавшим голосом говорит, что курить больше не будет. Сказка, рассказанная отцом, обеспечила «моральное последствие искусства». «Самое действие сказки возбудило и прояснило в психике ребенка такие новые силы, дало ему возможность почувствовать и боязнь, и заинтересованность отца в его здоровье с такой новой силой, что моральное последствие ее, подталкиваемое предварительной настойчивостью отца, неожиданно сказалось в том эффекте, которого тщетно добивался отец раньше».

Если эффекта эмоционального последствия нет, ни один пример сам по себе к каким-либо изменениям личности не приведет.

Так что же делать? Вопрос о том, какой путь выбрать для того, чтобы не просто ощутить себя личностью, а на самом деле ею быть, остается для каждого его личной проблемой и решать его надо каждому своим путем. Я позволю себе сказать о том, как я это вижу для себя самого, а читатель — с учетом разницы в возрасте и обстоятельств жизни — вправе подумать о своих проблемах и своих путях их решения, своих представлениях о том, что это такое: быть личностью.

Посмотреть в глаза и не подать руки. Лет пятнадцать назад, когда я работал в педагогическом институте, одна преподавательница сказала: «Я человек порядочный, я с любым сработаюсь!» Меня уже тогда заинтересовала подобная трактовка порядочности. Потом я часто вспоминал этот разговор и задавал себе нелегкий вопрос: «Так что же это такое — порядочность?» И второй вопрос: «А сам-то ты человек порядочный?»

Вот, например, ко мне подошел коллега и спросил, что

я думаю о его новой книге. Не скажу, чтобы книга мне понравилась. Уверен, такое же мнение было у многих специалистов. Однако я пробормотал что-то вроде: «Да, да, очень интересно» — и поспешил перейти к другим темам. А ведь надо было посмотреть ему прямо в глаза и сказать: «И книжка серая, и сам ты неведомо как стал доктором наук. Так-то вот, уважаемый!» Нет, не сказал... Не зря ведь в психологических анкетах среди множества вопросов обычно запрятан один: «Всегда ли вы говорите правду?» Если человек говорит «да», анкету считают негодной. Ясно, что отвечающий покровил душой. В самом деле, веселая началась бы жизнь, если бы мы всем и каждому говорили правду. Только правду, и ничего, кроме нее! «Я сегодня ужасно выгляжу, Игорь Петрович!» — «Да, Майя Семеновна, и мешки у вас под глазами, и кончик носа покраснел, и погрузнели вы в последнее время; старость, дорогая моя, не радость». Не буду комментировать, как сложатся после такого диалога отношения этих людей...

Видимо, порядочность и правдивость как-то сопряжены, связаны, но не так уж напрямую: режь всем и каждому правду-матку, и тебе воздастся! Мы на каждом шагу предъявляем друг другу определенные ожидания. Так вот, неумение принимать во внимание эти ожидания и приводит к бестактности — об этом мы еще поговорим особо. Неужели же права была моя знакомая, которая принимала порядочность за умение сработаться и ужиться со всеми?

В повести А. П. Чехова «Скучная история» старый профессор так сформулировал свои представления о порядочности ученого: «Я трудолюбив и вынослив, как верблюд, а это важно, и талантлив, а это еще важнее. К тому же, к слову сказать, я воспитанный, скромный и честный малый. Никогда я не совал своего носа в литературу и в политику, не искал популярности в полемике с невеждами, не читал речей ни на обедах, ни на могилах своих товарищей... Вообще, на моем ученом имени нет ни одного пятна и пожаловаться ему не на что».

Не знаю, как отнестись сейчас к завету не полемизировать

с невеждами. Так много ныне высокотиражных научно-популярных изданий, написанных людьми, которые не столько популяризируют науку, сколько наукой популяризируют себя, свое имя. Я часто читаю: «психологи считают... психологи утверждают... по мнению психологов...» Далее следуют такие несообразности, от которых у меня начинается что-то вроде зубной боли. Но в целом «его превосходительство заслуженный профессор Николай Степанович» приводит четкую программу элементарно порядочного поведения ученого, конечно, применительно к своему времени.

Правда, в последние годы сложилась необходимость в существенных к ней дополнениях. Например, над заглавием научной статьи или книги не ставь свою фамилию рядом с фамилией твоего сотрудника, написавшего эту статью, а то и вместо него, что иногда случается. Чаше вспоминай строчки Б. Пастернака: «...позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Вступив на торный путь литературных реминисценций, вспомним Д. Гранина, который писал о временах, когда академики шли в директора, и сетовал на обстоятельства, когда директора пошли в академики. Ну а если уж так случилось, то помнит, что порядочный ученый должен рассчитывать на власть своего авторитета, а не на авторитет своей власти. Будь скромнее, но не чересчур, во всяком случае не уподобляйся тому доценту, который, как мне рассказывали, написав дрянную да еще наполовину у кого-то списанную книжку, выдрал из каталогов всех центральных библиотек соответствующие ей карточки, навсегда похоронив «дитя греха» среди миллионов томов.

Впрочем, подобные советы много не дадут, если не осознать, не осмыслить психологическую сущность феномена непорядочности и питающие его социальные корни.

Мне кажется, непорядочность проявляется не в том случае, если человек совершает правонарушение, — это уже имеет квалификацию юридическую — и не когда он совершает проступок, за который его могут осудить на общем собрании коллектива. Непорядочность проявляется в каких-то

других случаях, с трудом поддающихся определению. Их скорее можно описать, чем объяснить. Окружающие испытывают неловкость, когда сталкиваются с душевной нечистоплотностью, но обычно не решаются высказать в глаза такому человеку то, что они о нем думают. Быть может, потому, что подсознательно чувствуют: их и его представления о том, как можно и как нельзя себя вести, представления о дозволенности и недозволенности лежат в разных нравственных плоскостях. Непорядочному человеку очень сложно предъявить прямое обвинение уже хотя бы потому, что он, как правило, за рамки официально дозволенного не выходит. Ну а совесть его растягивается, как безразмерные носки.

Вспоминается такая история. Скончался профессор Г., с сыном которого я дружил со школы. Один мой знакомый, назовем его Боровин, позвонил мне и попросил: «Я в свое время видел у Г. книгу Пиаже (известный швейцарский психолог) на французском языке. Думаю, что она не нужна его сыну, — у него другая специальность. Может быть, вы попросите, чтобы он отдал ее мне?» Я, конечно, пообещал, позвонил приятелю и попросил отложить для меня эту книгу. Тот сказал, что, как только разберет отцовскую библиотеку, с удовольствием отдаст ее мне. Прошло месяца полтора, звонит этот мой друг: «Ты прости меня, я не могу выполнить твоей просьбы. Приходил Боровин, оказывается, это его книга. Он дал ее почитать отцу незадолго до кончины. Пришлось отдать...»

Какими мерками мерить такие поступки? На товарищеский суд не потащишь... Не хватило у меня тогда мужества пусть не публично, но хотя бы с глазу на глаз сказать Боровину, что я думаю об этом мелком нравственном мародерстве. Почему не хватило? Стыдно было за него; его позор был для меня невыносим.

Когда обдумываешь подобные ситуации, то приходишь к парадоксальному выводу — основную питательную среду для непорядочного человека составляют в общем-то... люди порядочные. Именно они заботливо оберегают его от неприят-

ных эмоций, им за него совестно, но они ему этого не показывают, чтобы не задеть, не огорчить, да и свой душевный комфорт не нарушить. Можно сказать, холят его и нежат и тем подвигают на новые деяния, не менее «ароматные»...

Мы уже упомянули анонимные доносы. Не лучший ли способ прекратить этот мутный поток — взять и самому написать анонимку на подлеца? Ведь часто, хотя и нелегко юридически доказать, пострадавшие догадываются, кто автор, почему, в силу каких мотивов он написал и чего этими подметными письмами хотел добиться. Взять бы и написать самому — пусть отмывается... Но вот ведь какое дело — не можешь это сделать.

И это понятно. Здесь тоже проходит граница между порядочным человеком, не способным на низость даже по отношению к заведомо гадкому типу, и подлецом, которому сделать грязное дело, что чаю напиться. И он-то прекрасно знает об этом своем подавляющем превосходстве, а потому и не ждет ответных действий, хотя в условиях, когда анонимные письма рассматривали, уязвимость сторон, казалось бы, должна была быть равной.

Не сомневаюсь, что позорная мягкотелость людей, в чьей порядочности никто не сомневался, поощряет людей непорядочных. Человек, совершивший подлость, большую или маленькую, протягивает тебе руку. Ты знаешь о подлости, но тем не менее пожимаешь эту запачканную длань. Он спрашивает тебя о здоровье, и ты, вместо того чтобы процедить сквозь зубы: «Нормально», рассказываешь про свои недуги, жалуешься на плохой сон... Он распахивает перед тобой дверцу своих «Жигулей», и ты, вместо того чтобы сказать: «Нам не по пути», усаживаешься и катишь с комфортом... Он говорит: «Ей-богу, не ведал я обо всех этих безобразиях», и ты мямлишь что-то сочувственное, прекрасно зная, что он тебе нагло врет. Язык, что ли, не поворачивается сказать ему о своем к нему презрении? А его это вполне устраивает.

Во все времена существовал свод правил, которыми очерчивались пределы дозволенного и недозволенного в сфере мо-

рали. Библейские заповеди... Не знаю, может быть, специалисты по атеизму со мною не согласятся, но мне кажется, что многие из этих заповедей всегда имели общечеловеческое звучание. Другое дело, что их применение неизбежно принимало сословный характер («не убий», но раба за скромную плату — пожалуйста; «не пожелай жены ближнего», но реализуй «право первой ночи»; «не пожелай осла ближнего своего», но за недоимки сведи у него со двора корову...). К этим общеизвестным правилам примыкают правила неписанные, так сказать, второй эшелон моральных принципов порядочного человека: лежащего не бьют, чужие разговоры не подслушивают и чужих писем не читают, слово держат, долги отдают, в карты не плутуют, на «живое место» не нанимаются... Если нарушение многих заповедей, например «не укради», «не убий», подкреплялось действием уголовного кодекса, то игнорирование правил неписанных (за исключением, пожалуй, шулерства — за него били подсвечниками) предполагало и предполагает единственную форму санкций — презрение людей. Можно ли позволить себе задушевно беседовать с морально нечистоплотным человеком, выдав ему таким образом индульгенцию, которую потом будет оплачивать общество? Фальшивое сочувствие «добреньких» знакомых легко перечеркивает неприглядность его поступков, утверждает в жизненной позиции «все мы люди, все человеки».

В последние годы мы не ограничиваем себя в показе того, что мешает нам двигаться вперед. Мы читаем о трагедии Чернобыля и ее причинах и последствиях, об эшелонах, где вместо хлопка транспортировался знойный узбекский воздух, о подпольных миллионерах из елисеевского гастронома, о «блюстителях закона», умудрившихся из честного гражданина сделать злодея. Так следует ли на фоне столь серьезных наших проблем затрагивать такое в общем-то эфемерное душевное качество, как непорядочность? Не слишком ли это мелко?

Нет! Это вопрос очищения нравственной атмосферы общества. Убежден: большие преступления и пороки начина-

ются с мелких гадостей, которые делаются с опаской, с оглядкой на окружающих. Заметят ли, осудят ли, посмеют ли сказать в лицо, что об этом думают? И лишь поняв, что с ним, несмотря ни на что, готовы «сработаться», что ему мило улыбаются, что, за руку не пойманный, он вполне приемлем, а случись ему попасться, все равно не выпадет он из круга «славных людей», этот беспардонный субъект разворачивается вовсю... Не будем забывать — сегодняшний преступник вчера был просто непорядочным человеком. И не станем утешать себя мыслью, что не каждый непорядочный человек обязательно станет преступником.

Располагаем ли мы действенными санкциями против этих людей? Я убедился, что располагаем: посмотреть ему прямо в глаза и не подать руки. Думаю, не такой уж это плохой способ, хотя и не имеет он юридической силы...

Да! Самовоспитание личности начинается с четкого понимания того, что такое порядочность. Я себе представляю это образно так. У каждого человека есть что-то вроде планки допустимого, у одних она закреплена выше, у других ниже. Верхнюю часть совокупности его поступков составляет то, что он делает, в общем-то понимая, что содеянное его не украшает (покривил душой, воспользовался «знакомствами», кого-то обидел, где-то «схалтурил» и т. п.). Человек понимает: хорошо бы такого не было, но считает, что без этого, увы, жизнь не проживешь. Одобрено это ни в коем случае быть не может, но лицемерием, достойным мифа о беспорочном «советском человеке эпохи развитого социализма», было бы отрицание этого факта. Нижняя часть шкалы поступков — прямая подлость, злостная ложь, наущничество, издевательства над окружающими, мелкое мошенничество, двурушничество в деловых и личных отношениях и другие весьма дурно пахнущие, хотя и не предусмотренные уголовным кодексом, деяния. Весь вопрос в том, как высоко установлена планка допустимого. Если установлена человеком высоко, то он считает приемлемым для себя только незначительные нравственные прегрешения, которые оказываются в результате «вы-

ше планки». На подлость он не пойдет, хотя «правду-матку» каждому в лицо резать не станет. Низко расположена «планка» — некто готов позволить себе многие и многие гадости, считая, что они его совести не тревожат и если их не очень афишировать, то они сойдут ему с рук. Высота порога индивидуально специфична и обнаруживается в тот момент, когда человеку предстоит осуществить значимый для него нравственный выбор.

Каждому стоит задать себе вопрос: как высоко ты держишь планку допустимого в области порядочности, не ползет ли планка вниз? Не оказалось ли выше планки, т. е. в пределах «допустимого», гнусное сплетничество, к примеру? Не очень ли различается высота планки во взаимоотношениях с разными людьми? Не сужаем ли мы проблему личности до решения главным образом бытовых проблем? Ну, что же, выйдем в широкое пространство социальных отношений и посмотрим, как можно там быть личностью.

Решить для себя. Былое красноречивое безмолвствование, отнюдь не свидетельствовавшее о всеобщем благоденствии, в настоящее время сменилось широкой волной гласности, она превратила чтение периодики едва ли не в центральное событие дня, смывая с поверхности нашей жизни опасливый шепоток и анекдоты, различия между телефонными и «нетелефонными» разговорами. И разговоры все теперь телефонные, и вопросы поднимаются в печати острейшие. Приметы времени!

Уже понятно, что процесс перестройки идет не гладко. Его идеологические, политические и экономические составляющие входят в нашу общественную жизнь неравномерно. При его оценке разные слои нашего общества далеко не всегда ориентируются на одни и те же критерии.

Для одних свидетельством перестройки служит смелая и конструктивная мирная политика партии и правительства, честный разговор о наших недостатках, консерватизме, возвращение несправедливо забытых имен, расширение личной

инициативы в торговле и в бытовом обслуживании, реорганизация в экономической и социальной сфере, наконец, понимание, что за Словом (нелицеприятным) ныне, пожалуй, и не последует Дело (персональное). Не те времена!

Другие видят прежде всего, что дефицит все еще не на прилавке, а под ним, что вот этого чванливого бюрократа все еще не погнали с работы, а лишь пересадили в кресло пониже и пожестче, что соседка как тащила с мясокомбината вырезку, так и тащит, но только не в сумке, как прежде, а прикрутив ее к ноге повыше колена.

Кто прозорливее, покажет история — она-то будет судить о нашем общегосударственном коллективном подраде по конечному результату. Уже мало кто сомневается в том, что этот конечный результат к нам с неба не свалится, а на него надо работать и что, не получив его, мы рискуем, что называется, «пойти по миру». Вот когда во весь рост встанет значение того, что в официальных документах именуется человеческим фактором и что я бы обозначил как «роль личности в истории», имея в виду не только лишь великих людей, но и всех сознательных творцов истории. Другими словами, роль нашей собственной личности и личности человека рядом с нами.

Может возникнуть вопрос: а раньше-то разве человеческий фактор значения не имел? От усилий людей, их разума и способности всегда зависело государственное благополучие. Ведь было же сказано в свое время: «Кадры решают всё!» Так оно и было. Человеческий фактор действовал, и кадры решали всё, что от них зависело. Лозунг был архиправильным, но что последовало за ним? За ним последовала сознательная селекция этих кадров, когда по признакам, которые могли бы быть основанием для продвижения человека наверх, его отправляли в места не столь отдаленные...

Но не все же туда попали, и что же произошло с тем самым человеческим фактором в дальнейшем? Возвеличение одного человека как вершителя судеб привело к признанию других «винтиками государственной машины»... Казалось бы, что здесь плохого: всякая машина нуждается в хорошо работающих деталях, в их точной подгонке и хорошей смазке, лишь бы они отвечали ГОСТу (утверждалось, что незаменимых нет). Что меняется в бесперебойном функционировании обществен-

ных механизмов, если деталью оказывается этот, а не другой человек? В годы застоя эта и другие родственные ей экономические теории выявили свою непригодность — машина стала буксовать.

Сущность нынешнего обращения к человеческому фактору в том, что заинтересованный в результате своего труда человек мыслится не как Исполнитель, а как Деятель, осознающий свою роль в истории общества и стремящийся включить других в этот процесс, который не приведет к результату, если они не будут в него включены. Именно эта позиция будет теперь укреплена и поддержана в государственном масштабе.

Вместе с тем личностное в каждом из нас при величайшем многообразии наших индивидуальностей слишком долго было приглушено. Это часто вело к подмене активности стремлением реагировать лишь на чьи-то приказы и распоряжения. Инициатива становилась фактором повышенного риска. Штампы мышления и языка ограждали от обвинений в отсебятине и инакомыслии, а отсиживание в хате, которая «с краю», оказывалось предпочтительнее выхода на передовые позиции изобретательства, науки и искусства. Так воспитывались люди, панически боявшиеся всего нового — в работе, в мыслях, в идеях. XXVII съезд КПСС отключил тормоза, два десятилетия сдерживавшие начатый на рубеже 50-х и 60-х гг. благотворный процесс возвращения человеку активности и достоинства Деятеля и Творца собственной истории.

Лет пятнадцать назад я выступал на совещании по социальной психологии и говорил о последствиях перерыва в ее развитии, который длился почти четверть века. В этот период у нас не проводились исследования по социальной психологии, не было конференций и симпозиумов, не готовились специалисты этого профиля. Причем все это происходило в период бурного развития на Западе этой важнейшей отрасли психологии. Достаточно сказать, что в США 150 тыс. психологов, а в нашей стране всего 5 тыс. Сидевший в президиуме мой коллега бросил хмуро реплику: «Не было такого пере-

рыва, и такого периода не было!» Всем было ясно — он усмотрел в моем тезисе намек на «период культа личности», который тогда либо замалчивался, либо вовсе отрицался. Помнится, я ответил: «Не знаю, был или не был этот перерыв, но, слава богу, он кончился». В зале засмеялись.

«Культе личности Сталина»... Какой исторический и политический смысл вкладываем мы в это понятие?

Поставим вопрос так: был ли культ именно личности Сталина? Что знало мое поколение (а мне уже за шестьдесят) о его личности, хотя он жил и работал всего в километре от того дома в переулке близ Остоженки, где проживали мои родные, друзья, знакомые и где я провел детство, юность, многие годы? Это сейчас перед нами раскрываются личность этого человека, ее реальные черты и деяния, отраженные в документах, ставшие общедоступными, в художественных произведениях, не противоречащих исторически достоверным фактам. Но что мы знали тогда?!

Я иногда думаю: культ Сталина принес стране неисчислимые трагические бедствия, тормозил поступательное движение социализма, но... Если бы сложился культ его **подлинной личности** — вот что было бы такой трагедией, с которой воистину ничто не могло бы сравниться. Известна ленинская характеристика его личности. Его грубость, о которой писал В. И. Ленин, по происшествии времени обернулась беспощадной жестокостью к людям, нелояльность — презрением к законам, нетерпимость — игнорированием чужого мнения, что приводило к тяжелейшим ошибкам, невнимательность — глухотой к страданиям недавних товарищей по революционной борьбе. Если бы предметом поклонения стали именно такие качества его личности, во что бы это нас всех превратило?!

Мы знаем, были в истории человечества — да и сейчас еще не исчезли — фигуры, чья личность являлась для их соотечественников и современников живым воплощением звериного шовинизма, религиозного фанатизма, враждебности к общечеловеческой культуре. В этих случаях сам обществен-

ный строй культивирует именно такие, а не иные черты личности «вождя нации».

Было ли что-либо подобное у нас в 30—40-е г.? Не было! Это вступило бы в открытое и непримиримое противоречие с нашим мировоззрением, идеалами. Революционные идеалы в глазах советских людей в те годы не меркли, кто бы ни пытался приписать себе лично следование им.

Мы уже упоминали новеллу Гофмана о крошке Цахесе, которому приписывалось все хорошее, сделанное другими, а чужим — все гадости, которые делал он, за что тех примерно наказывали. Эта сказка имела социально-психологическое основание. Реальную личность Сталина заслонил его гигантский, обрамленный красными знаменами автопортрет, описанный и раскрашенный многими мастерами «иконописи». Фактически мы имели дело не с его личностью, а с подавляющим своим величием, мудростью и гуманностью изображением.

Парадокс! Самая примечательная для истории этих десятилетий личность оказалась деперсонализирована и для всех нас заменена «образом Сталина», к которому мы относились с благоговением. С ним мы связывали все наши успехи, а неудачи относили на счет его врагов. Современным молодым людям, читающим о преступлениях этого периода, зачастую непонятна причина и сущность тогдашней преданности и поклонения. Иной раз они готовы объяснить все нашей неискренностью, непоследовательностью или же страхом, который мы в те годы действительно нередко испытывали. Когда я подобное слышу, я вспоминаю платформу станции Ильинская на Казанской железной дороге, где нас застало известие о смерти Сталина, распухшее от слез лицо жены и себя, растерянного, не знающего, чем ее утешить и успокоить...

Итак, в итоге наших нелегких лет мы в общем-то научились различать реальную личность и ее «имидж» (этим словом в социальной психологии обозначается создаваемый средствами массовой коммуникации привлекательный или оттал-

кивающий образ человека). Но существует другой вопрос: можем ли мы увидеть человека за должностью, черты его живой личности, которая не ограничена сколь угодно высокой, официальной ролью? Важно видеть его не только на трибуне и не только в окружении официальных лиц, по необходимости подчиняющегося протоколу, а в живом общении с людьми, открытым для взаимопонимания. Конечно, о человеке судят по его делам, но все-таки хочется открыть его са-

мому для себя, без официальной подсказки и не по его автобиографии, составленной специалистами.

У меня вообще складывается впечатление, что, чем выше человек по своей государственной должности, тем меньше у нас шансов узнать его как индивидуальность во всем богатстве ее проявлений. Почему не рассказывать о рабочем дне этих людей и немногих часах отдыха, об их семье, перед которой они зачастую чувствуют себя виноватыми — не хватает на дела домашние времени, об их интересах, огорчениях? Увы, это неудобно, как-то не принято. Почему? Скрывать сегодня нечего, дела этих людей в условиях гласности на виду. Между тем о том, что за делами стоит живой человек, которому ничто человеческое не чуждо, писать и знать почему-то не принято! Реакция на набившие в прошлом оскомину славословия? Но кто к ним сейчас призывает? Скромность? Более чем вероятно. Но что же может задеть скромность, если люди хотят больше знать об интересном человеке?

Может быть, этого и в самом деле не следовало бы касаться — все-таки непривычно. Еще велика власть стереотипов мышления: «об этом писать не принято», «это не тема для печати», «это могут неправильно понять», «следовало бы подождать, пока будет высказано официальное мнение», и, наконец, такой вопрос: «С какой стороны света надудо подобные идеи?»

На самом деле никто не запрещает. Закрепощает себя сам человек в память прежних запретов и с опаской по поводу каких-то там запретов в будущем.

Быть или не быть личностью? Для Гамлета, принца датского, «быть или не быть?» — это проблема смерти или продолжения существования, когда оно утрачивает ценность, когда «распалась связь времен». Для героя Достоевского, Родиона Раскольникова это вопрос «посметь или не посметь?» — в горячем умозрении созревшая идея индивидуалистического самоутверждения своей сверхценности, оправдывающей даже преступление. А для нас? Понятно,

что каждый человек — это личность, и какие здесь могут быть проблемы? Между тем они имеются, и от них не уйти, их предельно обостряет время революционного переустройства нашего общества.

Очень долго психология, считавшая, что она изучает лич-

ность, сводила в каталог индивидуальные особенности человека — такие-то черты характера у данного Индивида в наличии, а таких-то недостает. Откуда их взять — было не очень понятно. Между тем эти сведения немного прибавляют. Ведь понять личность, как мы уже знаем, — это, прежде всего, выяснить, какие изменения человек вызывает в сознании других людей, каков его реальный вклад в конечный результат их деятельности.

Я убежден, нашему обществу, где целью экономического и социального развития является благо советских людей, культ личности необходим, но не культ «великого вождя народов», а именно культ личности человека. Речь идет в этом случае не о возведении на пьедестал фигуры «простого советского человека». Вовсе он не прост и не однозначен. Хотя в песне и поется, «высокие горы сдвигает советский простой человек», но усредненный, он, лишаясь индивидуальности, превращается всего лишь в помпезную модель винтика общественного механизма, и не более. Предметом восхищения должна стать смелая, открытая творчеству и социально активная, живо откликающаяся на все новое, принципиальная, способная сострадать, мыслящая личность, которая может и должна быть сформирована в каждом человеке.

Понимаю, разумеется, что нам еще далеко до того, чтобы личность человека стала предметом культа. До этого надо еще научиться ее просто уважать, не унижать ее достоинство, ее право на неповторимую индивидуальность, на чуткость и внимание. Хотя призыв «давайте говорить друг другу комплименты» очень хорош, останавливает невольная мысль: а можем ли мы на них надеяться, даже если заслуживаем? Пока что и классическая рекомендация «быть взаимно вежливыми», общаясь через прилавок, относится к разряду благих прекрасных пожеланий. Но что там магазины — эта заповедная область современной юмористики! Мне часто приходилось бывать за рубежом, и, признаюсь, я терпеть не мог заходить в наши консульства. Впору было там повесить плакат: «Уважаемые товарищи дипломаты! Будьте вежливыми

с командированными и просто приезжими из нашей родной страны! Вы здесь для того, чтобы они вас беспокоили, а не для того, чтобы блистать на светских приемах!»

Однажды, взяв в руки один из номеров весьма уважаемой газеты, я буквально оторопел, Крохотная заметка, заголовок крупным шрифтом: «ОСТОРОЖНО, ПСЕВДОНАУКА!» О чем это? Мелькнула смиятенно мысль: неужели опять начинается что-то вроде истории с генетикой, педологией, кибернетикой? Вчитываюсь — оказывается, одному кандидату наук не понравилась работа другого кандидата наук, и он, не утруждая себя какими-либо научными аргументами, благословил его таким образом в газете.

И все-таки времена меняются, хочется надеяться, что свежий ветер переустройства нашей жизни выветрит в конце концов безразличие человека к человеку, неумение и нежелание

видеть в нем живую душу, беречь его честь и достоинство. Может быть, мы научимся, наконец, относиться к себе, как к другому, и к другому, как к себе.

Учиться этому надо, конечно, с детства. В философии и психологии уже не раз формулировался вопрос: с чего начинается личность и когда? В самом деле, когда и как совершается этот загадочный акт зарождения в маленьком человеке личности? Может быть, когда он в первый раз сознательно сказал правду, которая, как он знал, могла обернуться для него наказанием и другими неприятностями? Или когда притих и прижался к матери, впервые почувствовав не свою, а ее боль и огорчение? Или же, когда испугался, что испугается, и, преодолевая страх, вступился за слабого, которого обижал сильный? Или когда мы увидели в нем личность, признали за ней право на наше уважение и внимание, на реальное участие в нашей жизни, на сотрудничество, и он понял это, осознав не только свои, еще детские права, но и свои, уже взрослые, обязанности. Этот акт творения личности в своих временных границах неуловим, как момент перехода ночи в утро. Личностью не рождаются — личностью становятся, и для всего нашего общества жизненно важно, чтобы этот процесс становления личности не искривлялся и не тормозился никем и ничем. Как известно, свободное развитие каждого — условие свободного развития всех.

Свободная личность советского человека должна культивироваться в нашем обществе, получить статус наибольшего благоприятствования в нашей повседневности. Вместе с тем все это не может не противостоять серости, консерватизму, шаблонности мышления, страху перед новым, зашоренности шовинистическими и националистическими предубеждениями, мещанскому отношению к жизни, бюрократическому формализму.

Быть личностью сегодня — это, повторим, стать активным участником социального переустройства, и схватка за победу в нем разворачивается прежде всего во внутреннем пространстве нашей личности. М. С. Горбачев сказал: «Не думай-

те, что силы инерции находятся где-то на стороне. Они в нас с вами сидят». Превозмочь эти силы — задача более трудная, чем преодоление объективных препятствий, даже таких, как последствия стихийных бедствий, техническая отсталость и т. д. Надо по капле выдавливать из себя консерватизм мышления, страх перед переменами, привычное расхождение слова и дела, боязнь ответственности и многое другое — все то, что застоялось на дне души каждого за те годы, когда энергичная поступь общественного развития все чаще сменялась бодрым шагом на месте.

Становление личности. Как происходит становление личности, как она развивается, как из «неличности» или «еще неличности» рождается личность. Младенец, это очевидно, личностью быть не может. Взрослый, бесспорно, личность. Какая личность — другой вопрос. Как и где произошел этот переход, трансформация, скачок к новому качеству? Сразу? Одномоментно? Вряд ли. Об этом мы уже говорили, пытаюсь увидеть те события (к примеру, маленькие победы над собой, над своим страхом, над своим эгоизмом), которые могли стать импульсами для рождения личности. Скорее всего, этот процесс имеет постепенный характер, шаг за шагом мы продвигаемся вперед к тому, чтобы стать личностью. Но тогда — еще один вопрос: а есть ли в этом движении какая-либо закономерность или все это носит чисто случайный характер? Вот где приходится выйти на исходные рубежи давней дискуссии о том, как развивается человек, становясь личностью. По поводу этой проблемы было сломано немало копий, да и спор по сей день не окончен, но, не углубляясь в него, попытаемся обсудить одну из обоснованных гипотез.

Как мы уже знаем, человеку присуща потребность быть личностью, т. е. оказаться и оставаться в максимальной степени представленным в жизнедеятельности других людей, и способность быть личностью — наличие индивидуальных особенностей, позволяющих удовлетворять эту потребность. Удовлетворение этой потребности при наличии соответствующей

щих способностей выступает как персонализация индивида. Напомнить все это необходимо, так как принцип персонализации лежит в основе наших дальнейших рассуждений.

Что же, с точки зрения этого принципа, является источником развития и утверждения личности? Противоречие между потребностью человека в персонализации и заинтересованностью значимого для него окружения принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют его интересам. Идет ли речь о переходе малыша из детского сада в школу, подростка в новую компанию, абитуриента — в трудовой коллектив, призванного — в армейское подразделение, служащего — в новое учреждение, невестки — в семью мужа и т. д., или же говорится о развитии личности от младенчества до гражданской зрелости, мы не можем себе мыслить этот процесс иначе как вхождение его в жизнь общности, которая приемлет его или не приемлет, задачам которой он отвечает или не отвечает, к которой он должен приспособляться или ее приспособлять к своим нуждам и целям. Этот процесс подчинен психологическим закономерностям, которые воспроизводятся относительно независимо от особенностей той группы, в которой он протекает, — и в начальных классах школы, и в новой компании, и в производственной бригаде, и в воинском подразделении, и в спортивной команде. Они вновь и вновь будут повторяться, но каждый раз наполняясь новым содержанием. Мы назовем их фазами развития личности. Этих фаз три.

Итак, первая фаза становления личности. Человек не может осуществить свою потребность в персонализации раньше, чем освоит действующие в группе нормы (нравственные, учебные, производственные и др.) и не овладеет теми приемами и средствами деятельности, которыми владеют другие ее члены. Поторопится что-то в ней изменить — ему скажут: со своим уставом в чужой монастырь не лезь. Он должен быть уподоблен окружающим, пока его задача — «быть как все». Это достигается (одними более, другими менее успешно), но в конечном счете при переживании некоторой утраты своих

индивидуальных отличий. Ему может показаться, что он полностью растворен в «общей массе». Происходит нечто вроде временной потери личности. Но это его субъективные представления — потому что фактически человек зачастую продолжает себя в других людях своими деяниями, имеющими значения именно для других людей, а не только для него самого. Объективно он уже на этом этапе может при известных обстоятельствах выступить для других как личность.

Вторая фаза порождается обостряющимся противоречием между необходимостью «быть как все» и стремлением человека к максимальной персонализации. Что же, приходится искать средства и способы для осуществления этой цели, для обозначения своей индивидуальности. Так, например, если некто попал в новую для него компанию, то он, по-видимому, не станет пытаться сразу в ней выделиться, а прежде попробует усвоить принятые в ней нормы общения, то что можно назвать языком этой группы, допустимую в ней манеру одеваться, общепринятые в ней интересы, выяснит, кто для нее друг, а кто враг. Но вот, справившись, наконец, с трудностями адаптационного периода, поняв, что для этой компании он «свой», иногда смутно, а иногда остро, он начинает осознавать, что, придерживаясь этой тактики, он как личность в какой-то мере себя утрачивает, потому что другие не могут в этих обстоятельствах ее разглядеть. Не разглядят — за счет его неприметности и «похожести» на любого. Тут он, может быть, припомнит слова «Бригантины», стихотворения-песни Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих...» Другими словами — за настоящую личность. Как не почувствовать собственную ущербность! И тогда он не только проявит потребность быть личностью, но и поищет средства для ее удовлетворения. В этом случае мобилизуются все внутренние ресурсы для утверждения своей индивидуальности, у кого какие найдутся. Обозначим эту вторую фазу как фазу индивидуализации.

Вероятно, каждый из читателей переживал эту фазу развития личности. Мне лично хорошо запомнились мои проблемы

в школьные годы. Был я, надо сказать, весьма начитанным пареньком и в этом отношении мог представлять интерес для сверстников. Дефицит увлекательных книг и тогда был велик, телевизора еще не было, и нередко вокруг меня собиралась стайка ребят со двора и я им пересказывал что-нибудь захватывающее, к примеру из книг Жаколио, Буссенара, Габрио, или с жаром живописал поединок на ножах благородного капитана Педро с отвратительным разбойником Крамо. Книга так и называлась «Капитан Педро» (автора не припомню). Так что процесс индивидуализации, очевидно, протекал благополучно. Но это во дворе. А за его пределами? С этим было хуже — в других местах, в незнакомых компаниях мне нечего было предъявить, особенно на первых порах. Тогда мой друг — он был старше меня на два года — «подвесил» меня на турнике (так тогда именовали гимнастическую перекладину). Запомнил почти дословно его первое пояснение: «Слушай! Ты придешь в любой двор, «поковыряешься» на турнике, сделаешь «задний бланш» или «солнышко» — и всё. Везде будешь хвост трубой держать и других учить». Так и произошло. Одно из средств успешной индивидуализации было освоено.

Третья фаза — интеграция — определяется противоречиями между уже сложившимися стремлением и способностью человека быть идеально представленным в других своими особенностями и потребностью окружающих принять, одобрить и культивировать лишь те его индивидуальные свойства, которые им импонируют, соответствуют их ценностям, способствуют их общему успеху и т. д. Став членом бригады на производстве, молодой рабочий, пройдя адаптацию на второй фазе становления своей личности в коллективе, стремится найти пути обозначения своей индивидуализации, своих особенностей, к которым бригада внимательно присматривается. В результате эти выявившиеся отличия у одних (смекалка, юмор, самоотверженность и т. п.) принимаются и поддерживаются, а у других, демонстрирующих, например, цинизм, лень, стремление свои ошибки свалить на друго-

го, наглость и т. п., могут встретить активное противодействие. В первом случае происходит интеграция личности в группу. Во втором, если противоречия оказываются неустрашенными, — дезинтеграция, имеющая следствием вытеснение личности из группы. Может случиться и так, что возникнет фактическая изоляция в ней личности, которая ведет к закреплению в характере многих отрицательных черт.

Особый случай интеграции наблюдается, когда не столько человек свою потребность в персонализации приводит в соответствие с потребностями общности, сколько общность трансформирует свои потребности в соответствии с его потребностями, и тогда он занимает позицию лидера. Впрочем, взаимная трансформация личности и группы, очевидно, всегда так или иначе происходит.

Каждая из этих фаз порождает и шлифует личность в ее важнейших проявлениях и качествах — в них протекают микроциклы ее развития. Представим, что человеку не удастся преодолеть трудности адаптационного периода и вступить во вторую фазу развития — у него, скорее всего, будут складываться качества зависимости, безынициативности, соглашательства, появится робость, неуверенность в себе и в своих возможностях. Он как бы «пробуксовывает» на первой фазе становления и утверждения себя как личности, и это приводит ее к серьезной деформации. Если, находясь уже в фазе индивидуализации, он, пытаясь реализовать потребность «быть личностью», предъявляет окружающим свои индивидуальные отличия, которые те не принимают и отвергают как не соответствующие их потребностям и интересам, то это способствует развитию у него агрессивности, замкнутости, подозрительности, завышению самооценки и понижению оценки окружающих, «уходу в себя» и т. д. Может быть, отсюда берется «мрачность» характера, озлобленность. Человек на протяжении своей жизни входит не в одну, а в многие группы и ситуации успешной или неуспешной адаптации, индивидуализации и интеграции многократно воспроизводятся. У него формируется достаточно устойчивая структура личности.

Сложный, как это очевидно, процесс развития личности в относительно стабильной среде еще более усложняется в связи с тем, что она в действительности не является стабильной и человек на своем жизненном пути оказывается последовательно и параллельно включен в общности, далеко не совпадающие по своим социально-психологическим характеристикам. Принятый в одной группе, где он вполне утвердился и давно уже «свой», он оказывается иной раз отвергнутым в другой, в которую он включается после или одновременно с первой. Ему снова и снова приходится утверждать себя в качестве самостоятельной личности. Таким образом завязываются узлы новых противоречий, возникают новые проблемы и трудности. Помимо этого, сами эти группы находятся в процессе развития, постоянно меняются, и к этим изменениям можно приспособиться только при условии активного участия в их воспроизводстве. Поэтому, наряду с внутренней динамикой развития личности в пределах относительно стабильной социальной группы (семья, школьный класс, дружеская компания и т. д.), надо учитывать объективную динамику развития самих этих групп, их особенности, их нетождественность друг другу. И те и другие изменения — становятся особенно заметными в возрастном развитии личности, к характеристике которого мы переходим.

В рамках теоретического подхода, который положен в основу этой книги, складывается следующее понимание процесса развития личности: личность формируется в группах, последовательно сменяющих друг друга от возраста к возрасту. Характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована. А. С. Макаренко говорил о том, что личность развивается в коллективе и через коллектив. Можно сказать и так: личность ребенка, подростка, юноши формируется в результате последовательного включения в различающиеся по уровню развития общности, имеющие для него значение на разных возрастных ступенях. Развитие личности определяется процессом развития групп, в которых она интегрирована. Наи-

более благоприятные условия для формирования ценных качеств личности создает группа высокого уровня развития — коллектив. На основе этого предположения может быть сконструирована вторая модель развития личности — на этот раз возрастного развития, — которая выделяет следующие этапы формирования личности: ранний детский (преддошкольный) возраст (0—3); дошкольное и школьное детство (4—11); отрочество (12—15); юность (16—18).

В раннем детском возрасте развитие личности осуществляется преимущественно в семье и зависит от принятой в ней тактики воспитания, от того, что в ней преобладает — сотрудничество, доброжелательность и взаимопонимание или же нетерпимость, грубость, окрик, наказания. Это будет определяющим.

В результате изначально складывается личность ребенка либо как нежного, заботливого, не боящегося признать свои ошибки и оплошности, открытого, не уклоняющегося от ответственности маленького человека, либо как трусливого, ленивого, жадного, капризного маленького себялюбца. Важность периода раннего детства для формирования личности была отмечена многими психологами, начиная с З. Фрейда. И в этом они были правы. Однако причины его определяющие нередко мистифицировались. В действительности дело в том, что ребенок с первых месяцев своей сознательной жизни находится в достаточно развитой группе и в меру присущей ему активности (здесь большую роль играют особенности его высшей нервной деятельности, его нервно-психической организации) усваивает тип отношений, которые в ней сложились, претворяя их в черты своей формирующейся личности.

Фазы развития личности в преддошкольном возрасте: первая — адаптация, выражающаяся в освоении простейших навыков, овладении языком при первоначальном неумении выделить свое «Я» из окружающих явлений; вторая — индивидуализация, противопоставление себя окружающим: «моя мама», «я мамина», «мои игрушки» и т. д., и тем самым подчеркивание своих отличий от окружающих;

третья — интеграция, позволяющая управлять своим поведением, считаться с окружающими, не только подчиняться требованиям взрослых, но и в какой-то мере добиваться, чтобы взрослые с ним считались (правда, для этого используется, к сожалению, чаще всего «управление» поведением взрослых с помощью ультимативных требований «дай», «хочу» и т. д.).

Воспитание ребенка, начинаясь и продолжаясь в семье уже с 3—4 лет, как правило, протекает одновременно и в детском саду, в группе сверстников, под руководством воспитателя. Здесь возникает новая ситуация развития личности. Если переход к новому периоду не подготовлен успешным завершением фазы интеграции на предыдущем возрастном периоде, то здесь (как и на рубеже между любыми другими возрастными периодами) складываются условия для кризиса развития личности. В психологии давно был установлен факт «кризиса трехлетних», через который проходят многие малыши.

Дошкольный возраст. Ребенок включается в группу ровесников в детском саду, управляемую воспитательницей, которая, как правило, становится для него наравне с родителями наиболее значимым лицом. Укажем фазы развития личности внутри этого периода. **Адаптация** — усвоение детьми норм и способов одобряемого родителями и воспитателями поведения. **Индивидуализация** — стремление каждого ребенка найти в себе нечто, выделяющее его среди других детей, либо позитивно в различных видах самостоятельности, либо в шалостях и капризах. При этом дети ориентируются не столько на оценку сверстников, сколько родителей и воспитательниц. **Интеграция** — согласованность стремления обозначить свою неповторимость и готовности взрослых принять в ребенке только то, что соответствует важнейшей для них задаче обеспечить ему безболезненный переход на новый этап общественного воспитания — в школу — и следовательно, в третий период развития личности.

В младшем школьном возрасте ситуация формирования

личности во многом напоминает предшествующую. Школьник входит в совершенно новую для него группу одноклассников. Эта группа управляется учительницей. Последняя оказывается, по сравнению с воспитательницей детского сада, еще более значимой для детей, в связи с тем, что она, ежедневно выставляя отметки, регулирует их взаимоотношения с родителями.

Трудно представить фигуру более значимую для учеников начальных классов, чем их учительница. Мне как-то рассказывали вот такую забавную историю. Мальчик учился в классе, где педагогом работала его мама, Анна Дмитриевна. Вечером, когда он сел за уроки, мать, посмотрев через его плечо в тетрадку, сказала:

— Подожди, Леша, я сейчас покажу тебе, как эту задачу можно решить проще.

— Нет, мама! Анна Дмитриевна сказала, что надо решать так!

Авторитет Анны Дмитриевны — учительницы оказался значительно весомее, чем авторитет Анны Дмитриевны — мамы. Все это так типично для этого, самого «законопослушного» возраста. Ролевые характеристики здесь оказываются решающими.

Теперь перейдем к подростковому возрасту. Первое отличие — если раньше каждый новый цикл развития начинался с перехода ребенка в новую группу, то здесь группа остается все той же. Вот только в ней происходят большие изменения. Это все тот же школьный класс, но как он изменился! Конечно, есть причины внешнего характера, например, вместо одной учительницы, которая была суверенным «властителем» в начальной школе, появляется много преподавателей. А раз педагоги разные, то возникает возможность сравнения их, а следовательно — критики. Должен сказать, что как я сам, так и многие мои ровесники уже весьма почтенного возраста имели возможность убедиться, что эта критика в общем-то частенько далека от справедливости. Когда я встречаюсь с одноклассниками, а мы почти каждые два-три года

такие вечера школьных воспоминаний и дружеских бесед устраиваем (окончили мы школу в 1941), то выясняется, что почти все наши учителя были людьми если не замечательными, то во всяком случае очень хорошими. И вот начинаются покаяния: «Я доску свечой намазал на уроке у Натальи Петровны — а как она математику нам преподавала, чудо! — Я котенка в класс принес и во время объяснения Евгения Николаевича бедное животное за хвост дернул...» С какой теплотой говорят об учителях! Уверен, так через много лет будут говорить и те, кто учится сейчас... Но пока критический заряд у многих не ослабевает — оттачиваются юмористические способности. И все-таки это не главные изменения, которые влекут за собой преобразование школьного класса, в результате которых он неприметно становится существенно новой группой.

Прежде всего для каждого его «аборигена» он перестает быть единственной (наряду с семьей) средой обитания. Все большее значение приобретают встречи и интересы внешкольные. Это может быть, к примеру, спортивная секция, и компания, собирающаяся для веселого времяпровождения, где центр групповой жизни связан с различными «тусовками» (понятие, которое пока не нашло отражения ни в одном словаре, но уже вошло в обиход, и не только молодежи). Само собой разумеется, социальная ценность этих новых общностей, для того, кто в них входит, весьма различна, но как бы то ни было, в каждой из них молодому человеку приходится пройти все три фазы вхождения — адаптироваться к ней, найти в себе возможности защититься и утвердить свою индивидуальность и быть интегрированным в ней. Таких новых групп у каждого может быть не одна и не две, одновременно существующих независимо друг от друга. Как успех, так и неуспех в этом деле неизбежно накладывают отпечаток на его самооценку, позицию и поведение в классе. И так с каждым. Удивляются: «Еще в прошлом году Славка был таким тихоней, таким незаметным, голоса его не было слышно, а сейчас и не подойти, нос задрал, а все потому, что уже пол-

года в секции бокса». Такая трансформация случается постоянно. Перераспределяются роли, выделяются лидеры и аутсайдеры — все теперь по-новому. Конечно, все это не единственные причины коренных преобразований группы в этом возрасте. Тут и изменение взаимоотношений между мальчиками и девочками, и более активное включение в общественно-политическую жизнь и многое другое. Одно бесспорно, школьный класс по своей социально-психологической структуре за год — полтора изменяется до неузнаваемости и в нем чуть ли не каждому, для того, чтобы утвердить себя как личность, надо едва ли не заново пройти адаптацию к его новым требованиям, индивидуализироваться и быть интегрированным. Таким образом, развитие личности в этом возрасте вступает в критическую пору.

Циклы развития личности протекают для одного и того же молодого человека в различных группах, конкурирующих по своей значимости для него. Успешная интеграция в одной из них (например, в школьном драматическом кружке) может сочетаться с дезинтеграцией в группе «неформалов», в которой он до этого без трудностей прошел фазу адаптации. Индивидуальные качества, ценимые в одной группе, отвергаются в другой группе, где преобладают иные ценностные ориентации, и это препятствует успешному интегрированию в ней. Противоречия, вызванные неравноценностью положения в разных группах, обостряются. Потребность быть личностью в этом возрасте приобретает характер обостренного самоутверждения, имеющего относительно затяжной характер, поскольку личностно значимые качества, позволяющие вписываться, например, в ту же группу «неформалов», зачастую отнюдь не соответствуют требованиям учителей, родителей и вообще взрослых. Развитие личности осложняется в этом случае конфликтами. Множественность, легкая сменяемость и содержательные различия групп, тормозя процесс интеграции личности молодого человека, создают вместе с тем специфические черты его психологии, участвуют в формировании психологических новообразований.

Процесс развития личности в трудовых коллективах — специфическая особенность юности, начинающейся в школе, ПТУ, техникуме, но затем перешагивающей границы средних учебных заведений, на простор самостоятельной жизни человека. Адаптация, индивидуализация и интеграция личности и здесь обеспечивает становление зрелой личности.

Таким образом, развитие личности — это процесс, подчиненный определенным, вполне объективным закономерностям. Закономерное не означает фатально обусловленное. Психология не видит в личности лишь точку приложения внешних сил — за личностью остается выбор, ее активность нельзя игнорировать, и за каждым из нас и право поступка, и ответственность за него. Важно выбрать верный путь и, не возлагая все надежды на воспитание и обстоятельства, взять на себя принятие решений. Разумеется, каждый, задумываясь о себе, сам ставит перед собой общие задачи и представляет, каким он хотел бы себя видеть.

Стать интеллигентным человеком Стать интеллигентным человеком! Это что — совет читателю? Ваше недоумение понятно. Ведь вы не раз слышали и читали, что школа призвана готовить к трудовой деятельности, что страна остро нуждается в квалифицированных рабочих. Куда же его направляет, на что ориентирует автор?! Чтобы все пошли в ученые, писатели, режиссеры, стали представителями других «интеллигентных» профессий? А кто будет стоять у станка, рубить уголь? Кто поведет железнодорожные составы? Комбайны? Грузовики? Тут что-то не то!

Давайте не торопиться с выводами.

Слово «интеллигенция» появилось более ста лет назад в России. Надо сказать, что в Западной Европе и Америке такого понятия вовсе не было. Ввел его русский писатель Петр Дмитриевич Боборыкин. Вскоре это наименование закрепилось за общественным слоем людей, относящихся к представителям так называемых свободных профессий: художникам, ученым, журналистам, писателям. Интеллигенция с тех

пор — это люди умственного труда, в отличие от тех, кто занимается трудом физическим. Среди интеллигенции были и революционеры, и либералы, и консерваторы. Одним лишь фактом принадлежности к этой категории их политическая физиономия не определялась. Классовый подход выделял ей промежуточное место между буржуазией и пролетариатом, она, таким образом, рассматривалась как прослойка в социально-экономическом устройстве. Так оно в общем-то и есть. Вот только выводы, которые из этого бесспорного факта делались, зачастую были весьма неблагоприятные для представителей этой «прослойки». Интеллигенция в буржуазном обществе далеко не вся обслуживала господствующий класс.

При Советской власти подавляющая ее часть активно включилась в созидательный социалистический труд. Однако

в годы сталинизма настороженное отношение, а иногда и прямая враждебность к ней преобладали. Командно-административная система культивировала в массовом сознании представления о якобы извечной гнилости и социальной ненадежности интеллигенции как «прослойки» между рабочими и крестьянами. При этом, по существу, игнорировалось то обстоятельство, что в своем подавляющем большинстве советские интеллигенты — это выходцы из рабочих и крестьян. Подозрительное отношение к интеллигенции укрепилось глобальными репрессиями, которые обрушились на лучших ее представителей: профессиональных революционеров, наркомов, политработников, ученых, поэтов. По приблизительным подсчетам, репрессиям подверглось около 2000 писателей.

«Интерес» сталинских карательных органов к интеллигенции вполне понятен. Само слово это происходит от латинского *intelligens* (понимающий, мыслящий, знающий). Нужны ли были режиму люди, всё понимающие? Они могли понять, какой деформации подвергались ленинские идеи. Знающие? Они могли знать о действительном положении дел в колхозах, на «великих стройках», в лагерях. Мыслящие? Они могли задуматься над тем, как избавить страну от тоталитаризма. Они были просто опасны, и их устранили, обезвреживали, дискредитировали. Поэтому черты, которые были присущи этой «прослойке», не выступали в качестве желательных, они не могли быть образцами для подражания. Предпочтение отдавалось другим. Начальник (министр, генерал, директор или кто-то поменьше чином) мог гаркнуть: «Ты мне интеллигентщину не разводи. Я тебе по-простому скажу...» — и дальше на заподозренного в подобном пороке обрушивался каскад грязной ругани. При этом начальствующее лицо чувствовало себя представителем народа, не понимая, что оно не далеко ушло от гоголевского держиморды. Сейчас, в эпоху гласности, отношение к интеллигенции меняется. Писатели, журналисты, экономисты, социологи — в первом эшелоне перестроенного процесса. Свидетельством этому — выборы народных депутатов СССР, появление в советском парламен-

те значительного числа лучших представителей интеллигенции.

Боюсь, что читатель, прочитав это, еще более укрепитя в мысли, что я ратую за то, чтобы каждый стал работником умственного труда. Ничего подобного. Нам надо различать интеллигенцию как социальную профессиональную общность и интеллигентность как качество личности человека. Стать интеллигентным человеком это не означает, предположим, поступить на сценарный факультет Института кинематографии. Увы, и окончив его, можно остаться человеком, этим качеством обделенным. Интеллигентность — показатель духовности человека. Ею может обладать рабочий, крестьянин, военнослужащий вне зависимости от его звания и должности, студент и старшеклассник. Ни аттестатом, ни дипломом, ни ученой степенью, ни принадлежностью к творческому союзу, ни высоким правительственным постом удостоверить наличие интеллигентности у человека не удастся. Мне знакомы профессоры, которые только по недоразумению могут быть причислены к интеллигентным людям, и я знаю электросварщика и медсестру, которые бесспорно к ним принадлежат.

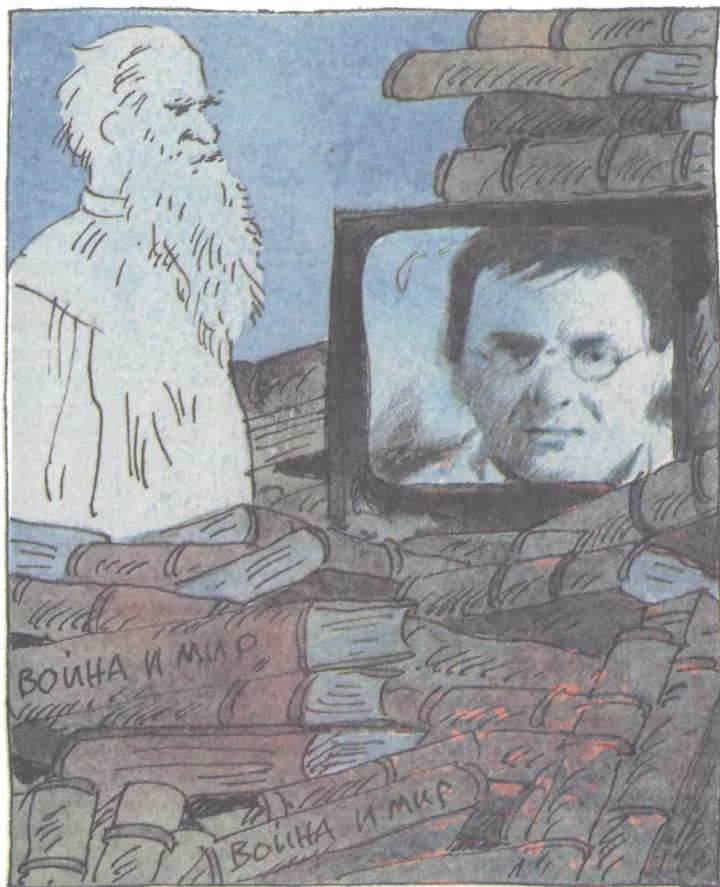
Стать интеллигентным человеком это, таким образом, не означает осуществить профессиональное самоопределение, это значит сформировать у себя совокупность важнейших качеств духовности, которыми обладали лучшие представители русской интеллигенции, давшие нашей стране и всему миру В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, Н. И. Вавилова, Л. Н. Толстого, В. Э. Мейерхольда, Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова, П. А. Флоренского и многих других замечательных людей.

О каких же чертах личности интеллигентного человека идет речь? О некоторых уже было сказано. Ну, например, принципиальность и личная порядочность, несомненно, должны войти в состав этих качеств личности. Но их значительно больше. Не берусь составлять какой-либо их реестр, но о важнейших упомяну.

Приобщенность к богатствам мировой и национальной

культуры — первый признак интеллигентности. Наверное, в нашей стране всеобщей грамотности трудно найти человека, который не прочитал хотя бы несколько десятков книг. Однако о многом ли это говорит? Существенно, какие это книги. Для интеллигентного человека совершенно обязательно при-
своение того интеллектуального, нравственного и эмоционального богатства, которое содержит золотой фонд мировой художественной литературы. У меня есть список книг, который составил один глубоко интеллигентный человек для своего внука, посоветовав ему суметь прочитать их до совершеннолетия. Он может быть дополнен и вряд ли является законченным и совершенным, но дает некоторые ориентиры. Я не стану перечислять названия — это займет очень много места, — ограничусь составом авторов по странам. **Россия (до революции):** А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов, И. Тургенев, Шолом Алейхем, А. Блок, А. Куприн, И. Бунин, Т. Шевченко, Ш. Руставели. **СССР:** М. Горький, В. Маяковский, С. Есенин, Э. Багрицкий, М. Зощенко, М. Шолохов, М. Булгаков, А. Платонов, О. Мандельштам, И. Ильф и Е. Петров, Б. Пастернак, В. Гроссман, А. Ахматова, М. Цветаева, А. Толстой, И. Эренбург. **Великобритания:** У. Шекспир, Д. Байрон, Д. Дефо, Д. Свифт, Ч. Диккенс, Р. Киплинг, Г. Уэллс, Б. Шоу, А. Конан-Дойль, Д. Голсуорси. (Здесь, конечно, должен был быть назван Дж. Оруэлл, но он тогда был под запретом.) **США:** Ф. Купер, М. Твен, Э. По, О'Генри, Д. Лондон, Э. Хемингуэй, Э. Синклер. **Германия:** И. Гёте, Ф. Шиллер, Э. Т. Гофман, Г. Гейне, Г. Манн, Э. М. Ремарк, Л. Фейхтвангер. **Франция:** Ф. Рабле, О. Бальзак, Ж. Б. Мольер, А. Дюма, П. Ж. Беранже, П. Бомарше, Г. Флобер, А. Доде, В. Гюго, Стендаль, Э. Золя, Г. Мопассан, А. Сент-Экзюпери. **Испания:** С. Сервантес. **Италия:** А. Данте, Д. Боккаччо. **Норвегия:** К. Гамсун. **Чехословакия:** Я. Гашек, К. Чапек. **Колумбия:** Г. Маркес. **Япония:** Р. Акутагава. **Дания:** Г. Х. Андерсен.

Итак, немногим менее восьмидесяти блестящих имен — обязательный минимум для интеллигентного человека. Разу-

меется, за многими из них стоит не менее двух-трех книг, которые надо прочитать. Не слишком ли велико их число? Это зависит от большей или меньшей готовности приобщиться к мировой культуре. В списке, который побывал у меня

в руках, есть еще два указания: обязательно быть хорошо знакомым с мифами античности и Библией. Удивляться не надо — это не религиозная агитация. Чтение Библии менее всего можно рассматривать как основание веры в бога. «Откровение» в Библии находит уже религиозный, истово верующий человек. Что касается всех других, то для них Библия — это свод древних легенд, волшебных сказок, притч, мудрых мыслей и, главное, сюжетов, персонажей, на которые ссылаются в бесчисленных произведениях классики литературы. Без этого остаются непонятными многие картины великих художников: Рембрандта, Рафаэля, А. Иванова, Крамского и многих других. Легко ли понять сцены в Ершалаиме в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, будучи незнакомым с евангельской легендой? Или — «Вирсавию» Брюллова? «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи? Необходимо знать, кто такой Геракл, Персей, Афина Паллада, Нептун, Гермес и вереница других греческих и римских богов и героев, запечатленных в живописи, скульптуре, литературе. Греческая мифология и библейские истории — камни в фундаменте европейской культуры, а следовательно, один из источников обогащения духовной жизни интеллигентного человека.

Вторая характеристика интеллигентного человека — ориентированность на общечеловеческие ценности при необходимости занимать ту или иную позицию в повседневной жизни, которая на каждом шагу заставляет нас осуществлять нравственный выбор. Что это значит? Какие ценности можно считать общечеловеческими? Те, которые должны действовать в любом обществе, если оно хочет считать себя подлинно человеческим обществом, а следовательно находящимся на другом полюсе по отношению к животному миру. Доброта, милосердие, готовность помочь попавшему в беду, скромность, мужество, справедливость, достоинство, — этот перечень может быть продолжен. Главное здесь — не декларировать, не провозглашать их во всевозможных заявлениях, от школьных сочинений до публичных выступлений, а следовать им в любых обстоятельствах. Прав В. А. Сухомлин-

ский, который писал: «Гуманность невозможна без чуткости к человеку. Любить все человечество проще, чем одного человека. Помочь одному человеку труднее, чем заявить: «Я люблю свой народ». Каждый, кто вступает в жизнь, должен быть не только прекрасным умельцем, мастером, производителем материальных ценностей, но и душевным, отзывчивым, чутким человеком. Никогда не потеряют своего значения слова В. Г. Белинского, сказанные им больше ста лет назад: «Будем плотниками, будем слесарями, будем фабрикантами; но будем ли людьми — вот вопрос!» Замечательный педагог, Василий Александрович Сухомлинский всегда надеялся, что человек в нашей стране не сможет жить без того, чтобы не делать людям добро.

Еще сравнительно недавно представители командно-административной педагогики, всячески тормозившие гуманиза-

цию и демократизацию советской школы, преследовали Сухомлинского, наполнявшего жизнь в своей Павлышской школе духом правдивости, честности, непримиримости к злу, неправде, фальши, очковитирательству. Они обвиняли его в том, что он игнорирует «классовые интересы» пролетариата, проповедует «абстрактный гуманизм». Это была ложь и напраслина. Сухомлинский воспитывал не «абстрактного» гуманиста, а настоящего, подлинно интеллигентного советского человека, считавшего, что перед правдой равны все — от деревенского сторожа до министра. Именно такие люди сейчас остро нужны для перестройки нашего общества, их так нам сейчас не хватает.

Обычные беспочвенные обвинения портили жизнь павлышского учителя, подрывали его здоровье, он умер еще не старым человеком — ему было всего 52 года...

Уж так случилось, что я был единственным представителем Академии педагогических наук СССР на похоронах. День был солнечным, теплым, каким-то удивительно ласковым. Те полтора километра от Павлышской школы до кладбища, которые мы прошли за его гробом по широкой деревенской улице, были сплошной дорожкой из цветов. Охапки цветов разбрасывали школьники, шедшие впереди похоронной процессии. Рядом со мной шла немолодая учительница. Выяснив, кто я и откуда, она осторожно спросила: «Как у вас сейчас относятся к научно-педагогическим идеям Сухомлинского?» Мне было ясно, что речь идет о его «крамольном» следовании «общечеловеческим ценностям». Я ответил, что я, как и многие другие, вижу в нем крупнейшего педагога современности. Она заметно обрадовалась: «А то ведь такое пишут, такое пишут... Василию Александровичу это очень больно!» Она не употребила глагол в прошедшем времени...

Настоящий русский интеллигент, Василий Александрович Сухомлинский личностью своей формировал людей, для которых он был образцом, в которых он был персонализирован.

Следование велению совести, а не чьим-то командным указаниям, если они вступают с нею в конфликт. Это тоже при-

знак интеллигентности человека. Что такое совесть — слово, которое мы часто употребляем, говоря «совесть его замучила», «совести у него нет», «совесть так сделать не позволила» и т. д.? Совесть — это способность человека осуществлять нравственный контроль над своими поступками, самому определять свои нравственные обязанности, требуя от себя их неукоснительного выполнения. Это особый механизм, который работает только у человека как личности (животные его не знают), и совесть никакой роли не может играть для индивида, обреченного на пожизненную робинзонаду на необитаемом острове. Другое дело, что мера выраженности этой способности у людей весьма различна. Может быть, когда мы говорим: «он совершенно бессовестный», «совести у него нет», то преувеличиваем отсутствие этого качества. Но за этим скрывается уверенность в том, что в каких-то значимых обстоятельствах этот человек потерял нравственный самоконтроль и тем не менее не испытывал при этом угрызений совести.

Чем более острой является ситуация, в которой возникает опасность для физического существования или для социального положения человека, который живет и действует по велениям совести, тем большее уважение он вызывает, когда он не подчиняется обстоятельствам, окрикам и угрозам, а выполняет свою нравственную обязанность перед самим собой. Конечно, общественные условия в разные периоды различны. В условиях перестройки жить по совести неизмеримо проще, чем в годы сталинщины или застоя. Но ведь и тогда было не так уж мало людей, которые не поступались своими нравственными принципами. Наверное, многие читали повесть Анатолия Жигулина «Черные камни», где рассказано о молодежной организации, которая поставила себе целью противостоять сталинизму и ради этого действовала, презирав опасность неминуемой расправы. Эти удивительные в своей чистоте и смелости мальчишки тогда не только поняли, что ослепленные сталинской пропагандой взрослые люди не понимали вообще или не осознавали до конца, но и не остались пассивными созерцателями произвола.

Совость интеллигентного человека включает в себя чувство ответственности за все, острое переживание несправедливости, если он с нею так или иначе сталкивается. Ему менее всего свойственно следование «мудрой» пословице: «моя хата с края». Не случайно, что при показном расположении к интеллигенции она неизменно вызывала опасения и неприязнь у бюрократов, видевших в ней общность, способную осмыслить и осудить то, что реально происходило в стране, но прикрывалось бодрими лозунгами и победными реляциями. Свойственное интеллигентному человеку пробуждение совести никак не соответствовало ожидаемому командным руководством бездумному согласию с любыми, в том числе бесчеловечными, неконституционными, приказами и решениями. Вполне понятно, что «высокое начальство» предпочитало культивировать и поощрять только послушание. События апреля 1985 г. и всё, что за этим последовало, явились призывом к совести каждого советского человека, пробуждением справедливости, демократии и гуманизма.

Интеллигентному человеку чужды проявления нетерпимости и вражды в межнациональных отношениях. Вполне понятно, что каждому из нас свойственно чувство сопричастности к национальной культуре, желание лучше знать прошлое своих отцов и дедов, гордость за все доброе, что они совершили, любовь к родному языку и отечественной литературе. Все это составляющие национального самосознания человека. Но нет ничего отвратительнее, когда это здоровое чувство оборачивается своей противоположностью — национализмом и шовинизмом. Казалось бы, небольшой сдвиг, нюанс, всего лишь мнение, что твоя нация лучше других, — и начинается сползание в болото националистических предрассудков и предрассудков. Важно понимание, что, вероятно, число хороших и плохих людей примерно повсюду равно, какой бы национальности они ни принадлежали. Категории «добрый» и «злой», «честный» и «бесчестный», «плохой» и «хороший» — это отнюдь не национальные черты, а нравственные оценки, социальные характеристики личности.

У интеллигентного человека привязанность к национальным ценностям и культуре своего народа сочетается с уважением и интересом к культуре и истории других народов. Это исключает национальное чванство. Интернационализм — органическая сторона интеллигентности.

Интеллигентный человек тактичен. Что же такое такт и что такое бестактность? В начале нашего рассказа мы, перечисляя различные «ипостаси» человека, упомянули роль. Под ролью понимается одобряемый образец поведения, ожидаемый окружающими от каждого, кто занимает данную социальную позицию (по должности, возрастным или половым характеристикам, положению в семье и т. д.). И каждая роль должна отвечать совершенно определенным требованиям и определенным ожиданиям окружающих.

Один и тот же человек, как правило, выполняет различные роли, входя в различные ситуации общения. Являясь по своей служебной роли директором, он, заболев, выполняет все предписания врача, оказываясь в роли больного; вместе с тем в домашней обстановке он сохраняет роль послушного сына своей престарелой матери; принимая друзей, он гостеприимный хозяин и т. п. Множественность ролевых позиций нередко порождает их столкновение — ролевые конфликты. Учитель как педагог не может не замечать недостатки в характере своего сына и убежден в необходимости усилить требовательность, но как отец он иногда проявляет слабость, потакая ему и способствуя закреплению этих отрицательных черт.

Взаимодействие людей, исполняющих различные роли, регулируется ролевыми ожиданиями. Хочет или не хочет человек, но окружающие ожидают от него поведения, соответствующего определенному образцу. То, как роль исполняется, подвержено социальному контролю, обязательно получает общественную оценку, и сколько-нибудь значительное отклонение от образца осуждается.

Так, например, родители должны быть добрыми, ласковыми, снисходительными к детским провинностям — это

отвечает ролевым ожиданиям и социально одобряется, признается достойным всяческого поощрения. Но избыток родительской ласки, всепрощения подмечается окружающими и подвергается решительному осуждению. «Избаловала мамаша сыночка, скоро он не только ей, всем другим на голову сядет» — приговор безапелляционный, возможно, несправедливый, но четко вычерчивающий верхнюю границу ролевых ожиданий по отношению к материнской доброте. Родители должны быть строгими, требовательными к своим детям. Это тоже ролевые предписания для родителей. И здесь общественная оценка устанавливает нижнюю границу этих предписаний. «Он при мамаше пикнуть не смеет, совсем она его задергала» — налицо осуждение. Таким образом, существует определенный диапазон, в котором исполнение роли матери рассматривается как социально приемлемое. То же самое относится и к другим членам семьи.

Способность и умение человека безошибочно точно приписывать другим ожидания того, что они готовы от него услышать или в нем увидеть, называется тактом.

Из этого, разумеется, не следует, что тактичный человек всегда и во всех случаях должен следовать этим ожиданиям. Если возникает ситуация, в которой принципы и убеждения субъекта вступают в резкое противоречие с тем, что от него, как он понимает, ожидают окружающие, он, проявляя принципиальность, может и не заботиться о том, насколько тактично его поведение.

Однако в повседневных жизненных ситуациях ошибочное приписывание ожиданий или их игнорирование является бестактностью. Бестактность — это деструкция ожиданий, нарушающая взаимодействие общающихся и иногда создающая конфликтные ситуации. Бестактное поведение может иметь сравнительно безобидный характер. Например, если на весьма формальный вопрос при встрече двух знакомых: «Как дела?» — следует подробный рассказ одного из них о здоровье всех домашних, о незначительных событиях последних дней, то это может расцениваться как некоторая бестактность. Серь-

езной бестактностью является подшучивание над тем, что человеку дорого.

Может быть, тактичность по сравнению с теми чертами интеллигентности, которые были рассмотрены выше, не выглядит уж столь важным качеством. Но если вспомнить, как часто мы раним друг друга неосторожным замечанием, неожиданной грубостью, невнимательностью, то становится ясно, что кажущееся мелочью в действительности становится причиной и плохого настроения, и конфликтов, и потери взаимопоминания людей.

Из всего сказанного ясно, что качества интеллигентности может сформировать у себя решительно каждый человек, независимо от его профессии, полученного образования, безотносительно к тому, физическим или умственным трудом он занимается. Надо только хотеть этого и сделать в том направлении должные шаги, контролируя свое поведение.

Здесь можно было бы поставить точку и этим завершить книгу. Однако боюсь, что чувство неудовлетворенности останется не только у читателей, но и у автора. Дело в том, что перечислить, какими качествами обладает интеллигентный человек, в общем-то было не очень трудно. Много труднее ответить на вопрос, как их сформировать у себя.

В двух разделах — «Посмотреть в глаза и не подать руки» и «Решить для себя» — была сделана попытка понять, как можно сохранить личную порядочность и занять нравственно оправданную принципиальную позицию, без чего и говорить о интеллигентности человека бессмысленно. Но мы уже знаем, что этим интересующие нас качества не исчерпываются. О чем стоит подумать?

Речь, к примеру, шла о приобщенности интеллигентного человека к культурным богатствам. Что для этого необходимо предпринять? Ответ один: прежде всего читать, читать и читать. Ответ не так банален, как это может показаться. Дело в том, что всем нам приходится считаться с бурным ростом средств массовой коммуникации. Радио, телевидение, диски, кино, видеомагнитофоны и просто магнито-

фоны. Великолепные изобретения человечества! Все это прекрасно. Однако книга — основной хранитель сокровищ мировой и национальной культуры потеснена. Между тем приходится признать, что ее «культуроемкость» во много раз превышает этот показатель у любого из перечисленных источников, питающих мысль и чувства каждого из нас. В них, в отличие от книги, духовные ценности вынужденно (дефицит времени и лимит расхода пленки) преподносятся в препарированном виде, иногда буквально разжеванными. Места для самостоятельной работы мысли практически не остается — успевай считывать обваливающийся на тебя поток информации. Сценарист, режиссер, оператор, осветитель практически всё за вас предусмотрели и сделали. Где уж тут задуматься над поразившей тебя мыслью, не раз к ней вернуться! Зачем читать «Войну и мир», если есть фильм, к тому же многосерийный? Подобные рассуждения я не раз слышал от молодых людей. Можно подумать, что Сергей Бондарчук — это Лев Толстой сегодня. Но даже, если бы так и было, это не резон, чтобы не читать великую книгу. Вот, когда она прочитана, осмыслена, пережита, тогда можно и на экране увидеть превосходные к ней иллюстрации. Правда, здесь я позволю себе высказать одну мысль, возможно спорную. Читая главу за главой роман или повесть, я постепенно воссоздаю яркий образ, к примеру, героини, своим мысленным взором следую за ней, рисую себе ее лицо, фигуру, походку, слышу ее голос. Но как часто, придя в кинотеатр посмотреть инсценировку, киновариант романа, я испытываю острое разочарование. Иногда у меня ощущение, что меня просто ограбили. Ну, не узнаю я графиню Элен Безухову в артистке Ирине Скобцевой, сколько не делаю над собой усилий. Хуже того! Когда я перечитывал Толстого (а книги надо перечитывать, хотя бы раз в 7—8 лет), увы, я видел уже не Элен, а... Скобцеву, и это, при всем моем уважении к этой хорошей актрисе, радости не доставило. Итак, только и именно книга, пробуждающая и питающая чувства, мышление и фантазию, — главный источник обогащения культурного человека. Все ос-

тальные, в том числе и любимое мною киноискусство, — бесспорно, важные, но вспомогательные.

Возможно, мне возразят: а не забыли ли вы, что В. И. Ленин сказал о том, что для нас «кино самое важное из всех искусств»? Разумеется, не забыл. Только надо помнить, что это сказано около 70 лет назад. Между тем мир стремительно изменяется, средства массовой коммуникации трансформируются, и оценки вовсе не всегда пригодны на все времена, даже если они высказаны великим человеком. К тому же, надо думать, Владимир Ильич имел в виду главным образом политическое и идеологическое значение кинематографа, обращенного к массам и создающего потрясающую иллюзию полной реальности для народа, в большинстве малограмотного и к другим видам искусств не приобщенного. Мы же говорим о нравственной и эстетической функции литературы и о сегодняшнем дне. Я выношу за скобки обсуждение вопроса о том, следует ли вообще рассматривать художественную литературу как один из видов искусства, — этот вопрос специальный, главным образом терминологический.

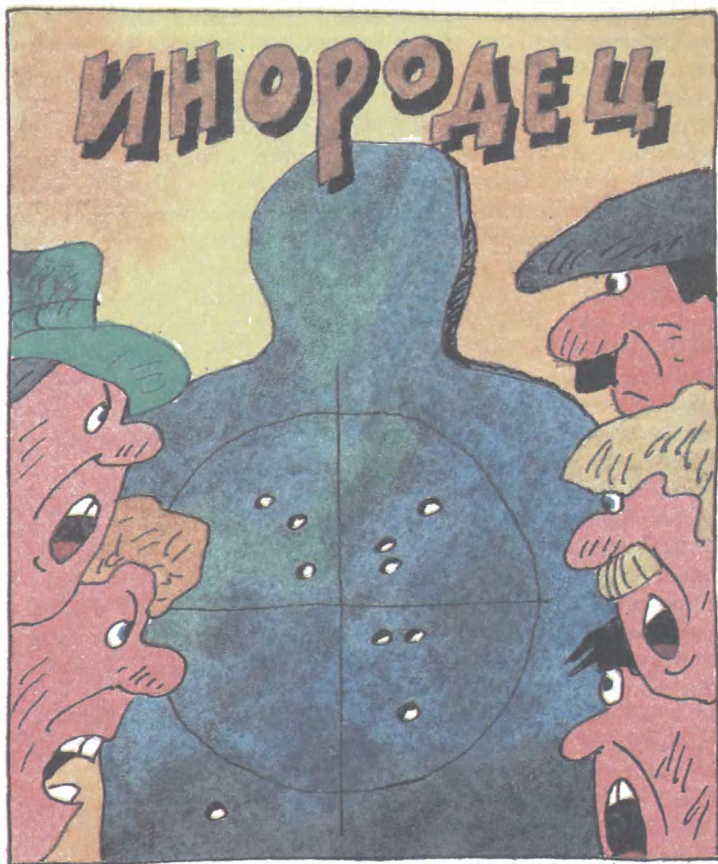
Защита общечеловеческих ценностей... Может быть, это самая важная и самая благородная черта интеллигентности. И самая трудная задача, потому что это борьба с собой и за себя как настоящего человека. Сделать беду другого человека собственной болью и помочь ему уйти от беды — одно из конкретных проявлений этой защиты. Когда-то, в 70-е гг. прошлого века, нарождающаяся российская интеллигенция, пытаясь загладить вину барства перед мужиком, стремилась всеми силами облегчить его тяжелую участь. Может быть, здесь корни этого явления, характеризовавшего уникальную и загадочную для западных наблюдателей натуру русского человека. Сейчас в этой защите нуждаются все и защищать общечеловеческие ценности должны также все, от крестьянина до ученого. Здесь одна из отправных точек возможности распространения феномена интеллигентности как культуры чувств человека на все, без исключения, слои нашего общества безотносительно к профессии, образователь-

ному цензу, должности. Человек, столкнувшийся с чужим горем и равнодушно прошедший мимо, недостойн звания интеллигентного человека, какими бы дипломами и аттестатами он ни потрясал.

...Вспоминается один эпизод съемок научно-популярного фильма «Если не я, то кто же?» В Киеве, около выхода из вестибюля станции метро «Крещатик», в районе, где расположены многие правительственные учреждения, режиссер поставил маленького мальчика, и они с кинооператором стали скрытно наблюдать за событиями. Оставшись в одиночестве, малыш (кажется, это был сынишка кинооператора) вскоре заплакал. Никто к нему не подходил. Люди, бросив на него взгляд, торопились проскочить мимо. Прошло пять минут, десять — вечность для напуганного ребенка. Наконец, пожилая женщина наклонилась к малышу, о чем-то его спросила... Я потом просматривал отснятые кадры. Мимо с нарочито отчужденными лицами проходили люди, которых многие наверняка причисляли к интеллигенции: гладко выбритые лица, уверенная походка, добротные плащи, шляпы, модные очки. И никакого внимания к испуганному ребенку. К сожалению, этот эпизод был вырезан из фильма — киноначальство усмотрело в нем «очернительство». Остался только кадр-заставка к фильму — участливо разговаривающая с мальчиком женщина...

Для формирования общечеловеческих ценностей нет каких-либо специальных рецептов. Все зависит от обстоятельств, времени и места действия, особенностей возникшей нравственной проблемы, требующей выбора. Важно только придерживаться во всем принципа: для себя как для других — для других как для себя.

Всюду и всегда занимать позицию интернационалиста — прямой долг интеллигентного человека. Шовинизм — это рудимент первобытного примитивного сознания, когда каждый род видел врага в любом чужеземце и «иностранце», оказавшихся на принадлежавшей этому племени территории или рядом с ней. Нормально организованный интеллект не вме-

щает в себя представления о том, что человек, говорящий на чужом языке, другой веры и национальности уже по одному этому хуже тебя. Иная позиция говорит о некоторой интеллектуальной недостаточности. Один зарубежный психолог

провел любопытный эксперимент, предложив испытуемым большой опросник, где среди других был вопрос, как они относятся к людям, принадлежащим к некоей национальности. Какой? В этом и была «зарыта собака». Дело в том, что психолог спрашивал о никогда не существовавшей национальности, которой он дал вымышленное название, о народе, которого и не было вовсе. Тем не менее многие респонденты (респондент — отвечающий на вопросы анкеты, опросника, интервьюируемый) дали самые отрицательные характеристики нации, которую они совсем не знали, да и не могли знать. Таким образом, была построена модель психологии шовиниста — другой это для него значит враг. Он с увлечением рисует в этом случае «образ врага», наделяя его самыми отвратительными чертами. Конечно, здесь не то что об интеллигентности — о хорошем интеллекте говорить не приходится.

Повторим: быть интеллигентным человеком означает на каждом шагу давать отпор шовинизму и национализму, защищать позиции интернационализма. Поэтому-то совсем не случайно черносотенцы «любили» интеллигенцию не больше, чем «инородцев», призывая бить наряду с последними «студентов». Национализм, всплески которого заметны в некоторых союзных республиках, не менее отвратителен, чем проявления великодержавного шовинизма. Немецкому философу Шопенгауэру принадлежит язвительный афоризм: «Каждая нация видит множество дефектов у всех других, и, представьте, все они правы». Спорить с этим парадоксом не стану, только замечу, что говорить-то надо не о нациях, а о националистах...

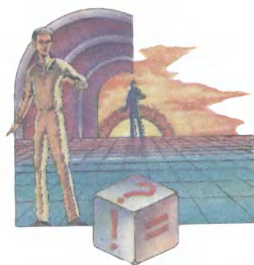
Мы в этой книжке выясняли и что такое быть личностью, и как ею стать, чтобы чувствовать себя достойным человеческого общежития, быть в ней не винтиком, а Человеком. Всякая способность складывается в деятельности, которая не может осуществляться без наличия этой способности. Дело каждого найти такую деятельность, которая отвечала бы этой большой цели — сформировать свою личность.

Послесловие автора

В популярной телевикторине «Что? Где? Когда?» на задаваемый вопрос — иногда весьма коварный — заготовлен точный ответ, с которым должна быть сопоставлена версия команды «знатоков». Мало того, приводятся основания истинности этого ответа. Обычно это ссылки на источники — серьезные научные трактаты, написанные специалистами. На экране иногда высвечиваются их названия. В нашей книжке тоже заданы вопросы и предложены ответы на них. Остается указать, на чем, в основном и главном, они базируются.

Автор книги уже двадцать лет вместе со своим сотрудником разрабатывает затронутые в ней темы. Научные труды, которые главным образом были опорой при ее написании, — это «Психологическая теория коллектива» (под ред. А. В. Петровского. М., 1979); А. В. Петровский «Личность. Деятельность. Коллектив» (М., 1982); А. В. Петровский «Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды» (М., 1984); А. В. Петровский «Очерки психологии. Коллектив и личность» (М., 1985, на англ. яз.); «Психология развивающейся личности» (под ред. А. В. Петровского. М., 1987)

Если читателя интересует проблема психологии личности и он захочет с нею глубже познакомиться, то я позволю себе назвать помимо перечисленных выше монографий еще несколько книг, написанных вполне доступно: «С чего начинается личность» (М., 1983); И. С. Кон «В поисках себя» (М., 1984); И. С. Кон «Открытие «Я»» (М., 1978); Ф. Т. Михайлов «Загадка человеческого «Я»» (М., 1976); Я. Д. Коломинский «Беседы о тайнах психики» (М., 1976); А. В. Петровский «Популярные беседы о психологии» (М., 1977); А. В. Петровский «Что мы знаем и чего не знаем о себе» (М., 1988); П. В. Симонов, П. М. Ершов, Ю. П. Вяземский «Происхождение духовности» (М., 1989).

*Артур Владимирович
Петровский*

Быть личностью

ИЗДАНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Содержание

**Художник
Л. А. Хачатрян**

Индивид и личность

3

**От потребности к способности
быть личностью**

29

**По ступеням развития
личности**

55

**Послесловие
автора**

111

Заведующий редакцией

А. А. Чуба

Редактор

Н. Н. Габисония

Мл. редактор

Е. В. Клиникова

Художественный редактор

В. П. Храмов

Технические редакторы

Л. А. Зотова, Т. Г. Иванова

Корректор

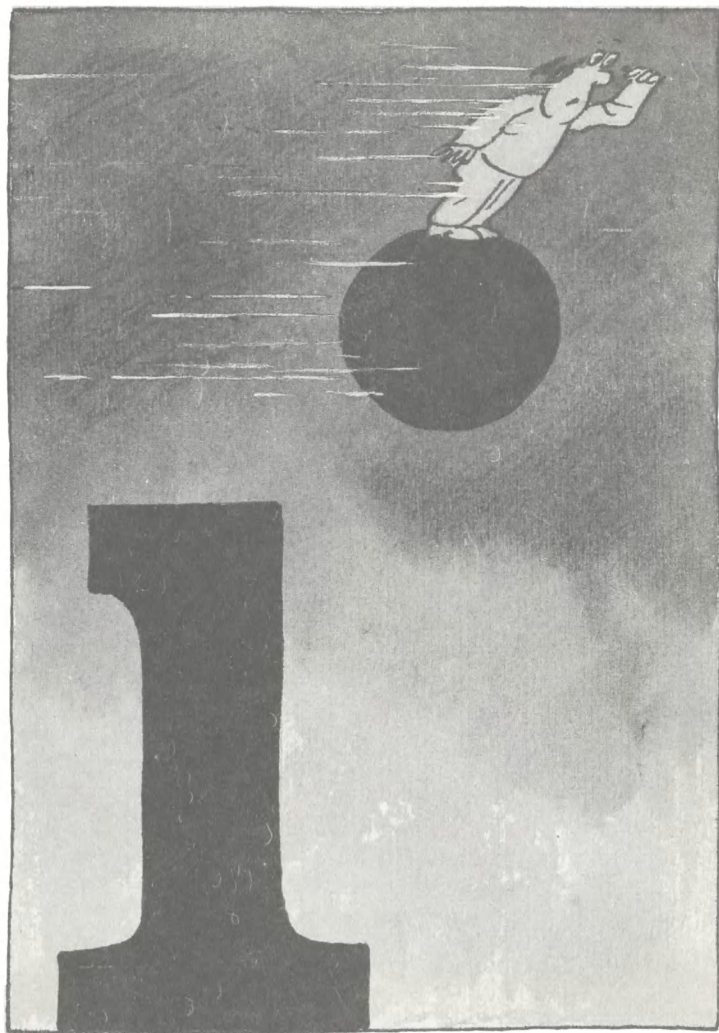
В. Е. Воронцова

ИБ № 1087

Сдано в набор 11.01.90. Подписано в печать 30.07.90. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага офсет. № 1. Печать офсетная. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 5,38. Усл. кр.-отт. 20,13. Тираж 200 000 экз. Зак. № 936. Цена 35 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Госкомитета СССР по печати 107847, Москва, Лефортовский пер., 8

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

35 коп.

Читайте
следующую
книгу
библиотечки

«Ученые —
школьнику»!

Что такое эстетическая функция
слова?

Откуда произошло поэтическое
слово?

Что такое образные средства речи?

Как анализировать текст литера-
турного произведения?

На эти и другие вопросы вы найде-
те ответ в книге доктора филоло-
гических наук Л. А. Новикова «Ис-
кусство слова» (2-е изд.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»